

РОМАН ЦМЫКОВ

НА ЮГЕ, ГОВОРЯТ, ТЕПЛЕЕ

*они заберут
у тебя всё –
рискни это вернуть*

RED

RED. Фантастика

Роман Шмыков

На Юге, говорят, теплее

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2022

Шмыков Р.

На Юге, говорят, теплее / Р. Шмыков — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2022 — (RED. Фантастика)

ISBN 978-5-04-164910-4

Планета погружена в глубокое забытие после мрачной войны. Города в руинах, остатки человечества сражаются за выживание против новых сил природы, поглотивших весь земной шар. Но среди угасающих людских жизней вдруг заискрилась надежда: таинственный «Юг» может оказаться тем желанным местом, где можно обрести покой. Несколько отчаявшихся отправляются на поиски практически легендарного убежища, но что их ждёт на самом деле? Мать и дочь, одинокий юноша, искалеченный странник и молодая пара влюблённых рискуют своими и чужими жизнями, чтобы доказать: легенды нового времени — это не вымысел. Но чем закончится тернистый путь к мифическому Эдему? И кто доберется до «Юга» живым? Комментарий Редакции: Жутко реалистичный роман о гипотетическом конце привычного нам мира и начале нового, в котором остается только надежда на обретение утраченного рая. Роман о том, что иногда одной надежды бывает достаточно для сверхчеловеческих подвигов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-04-164910-4

© Шмыков Р., 2022

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	37
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роман Шмыков

На Юге, говорят, теплее

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© AlexandrBognat, bufi, andreusK / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

По этой одинокой долине ты должен пройти сам.

Часть первая

Глава 1

С кухни тянулся запах яичницы. Там хрустели свежие тосты под нажимом ножа, намазанные маслом. Гриша любит такие завтраки с детства, и за пять лет супружеской жизни приучил и меня, хотя я вставала с постели обычно только к тому моменту, когда на столе уже всё накрыто. Как хорошо, что он знает – я сама встану, потянувшись за запахом, и будить не придётся.

Сегодня воскресенье, и я позволила себе валяться в нагретой постели аж до одиннадцати часов. Алиса на факультативных занятиях, и вся квартира в нашем с Гришей распоряжении. Я откинула одеяло и потянулась так, что икру свело. Тихо ойкнув, я растёрла ногу и встала с постели. За окном щебетали утренние майские птицы. Пахло свежескошенной под домом травой.

Судя по прекратившемуся звону керамики, Гриша всё расставил и ждал меня. Мы встретились в коридоре, он вытирал руки полотенцем, стоя в одних шортах и с голым торсом. Гриша чмокнул меня в сухие губы.

– Иди умойся сначала, вонючка.

Я шлёпнула его по упругой заднице, проходя в ванную. Ощущение бодрости медленно будоражило тело, но круги под глазами говорили о недосыпе. Ополоснув лицо ледяной водой, я хоть немного стала похожа на живого человека. Щёки нарумянились, а в глазах появились искры.

Гриша всегда был готов к завтраку первым. Главное правило – приступать к еде, когда *все* проснулись. Я оставила попытки узнать о корнях этих правил только когда он сказал, что так делал его отец.

– Заберёшь Алису?

– Если и заберу, то опоздаю. Мне нужно в сервис. – Тараторил Гриша, быстро закидывая еду в рот. Иногда кажется, что он вообще не жуёт, и еда просто попадает из его рта сразу к пояснице и ниже. – Могу оставить машину, сам возьму такси.

– Давай так. Во сколько дома будешь? Хочу на вечер роллы.

– Роллы? Уверена? Я планировал копчёную крицу взять.

– Может, и то и, то?

– Не треснет? – спросил Гриша, улыбнувшись так, что с его губ чуть не капнул жидкий яичный желток. Он всегда желтки оставлял недожаренными, а потом макал в них хлеб.

Я взяла крошку от съеденного тоста и запустила прямо в это нахальное лицо.

– Дома буду к четырём. Может, чуть позже. Смотря, что успели сделать в сервисе за пятницу и субботу.

Гриша помыл посуду. Я поблагодарила его за завтрак и расчесалась, завязав тугой хвост. Краситься не стала, всё равно из машины выходить не придётся, и Алису подведут прямо к пассажирской двери от крыльца школы.

– Вот ключи. Неплохо бы заправиться.

– Ладно. Тогда я побежала, а то не успею.

Я чмокнула Гришу в гладко выбритую щёку, до сих пор пахнущую лосьоном, и вышла на улицу. Тёплый ветер щекотал голые ноги, чуть выше колена закрытые лёгким платьем. Машину Гриша вчера поставил в другом дворе, и пришлось пройти чуть больше, чем хотелось бы.

На заправку не поехала, решила сделать это после того, как заберу Алису. Удивительно, но пробок ещё нет, хотя в это время обычно дороги похожи на металлическую змею, растянув-

шуюся по асфальтовой траншее. Я совсем чуть-чуть не успела проскочить и встала на самом долгом светофоре по пути к школе Алисы. Ни справа, ни слева машин не было, только прохожие перебегали дорогу с каждой стороны. Я посмотрела на красные цифры обратного отсчёта. Ещё сто двадцать секунд. Они пролетели слишком быстро, и когда зелёный загорелся, сзади громко загудела машина...

* * *

От бетонного пола веяло холодом и сыростью даже сквозь спальные мешки. Я огляделась, ощутив сильно ноющую боль в шее. Уже третью неделю хожу словно в гипсе, с трудом поворачивая голову. Алиса тихо сопела у меня под боком, закрывшись в мешке на молнию, оставив только маленькую щёлочку для свежего воздуха.

Торговый центр, в котором мы ночевали, был полон голых манекенов, но именно это, как я решила, и должно нас спасти от мародёров. Не знаю наверняка, есть ли они в этих землях, но рисковать не стала. Я загородила нас забором из пластмассовых безликих людей и уложила Алису за кассовой стойкой. Сама устроилась под шторами примерочной.

Тихо, стараясь не разбудить дочь, проверила запасы. Вчера вечером мы слишком устали, чтобы проводить ревизию оставшегося провианта и рухнули без ног спать. Так, несколько энергетических батончиков, две полные полуторалитровые бутылки воды и две таких же, но пустых. Надо бы наполнить. Ещё... эм... тринадцать пакетиков с сухой лапшой без приправ. Придётся обшарить весь торговый центр и особенно первый этаж, где обычно находились огромные продуктовые отделы.

Я поднялась, свернув в рулон спальный мешок и уложив его в рюкзак, от которого на плечах уже ороговели мозоли. Колени хрустнули, когда я выпрямилась, и меня чуть покосило. Мы не голодали, но я чувствовала, как из нас медленно уходят силы. Я достала карту. До места, о котором говорили ещё на прошлой базе, оставалось около четырёхсот километров, и нам до сих пор не попала ни одна машина с ключами или заправленная хотя бы на четверть. Либо одно, либо другое, и никогда одновременно. Я провела пальцем по сухой мятой бумаге старой карты, словно это приближало нас хотя бы на километр к точке. Она будто мифическая. Короткую радиопередачу мы словили ещё два месяца назад. Возможно, это место уже перестало существовать, или изначально являлось ловушкой. Но мы двигаемся именно к ней, тратя последние силы.

Глаза смыкались. Я не выспалась, но спать дольше шести часов просто опасно. Я медленно раздвинула ограждение из манекенов и прислушалась.

Ничего.

Вообще. Я так соскучилась по звукам птиц, по грохоту трамваев, колёсам машин, разговорах людей по телефону. Этот шум пропал внезапно, по щелчку. Как будто тебя ударили по уху, и теперь ты различаешь лишь странный приглушённый писк.

Я подкралась к выходу. Стекланные витрины густо затянуты буроватым мхом, не пускающим свет внутрь маленького магазинчика. Этот же мох стлался по полу тонкими, подобно венам, нитями. Нити тянулись через ограждения межэтажного пролёта и толстыми лианами, ссохнувшимися на кончиках, свисали до самого пола. Там, под нами, на высоте почти пятнадцати метров, торчала статуя, полностью затянутая разными растениями, а на голове её светился жёлтый цветок с длинным вытянутым бутонем, похожим на раскрытую банановую кожуру. Я огляделась по сторонам. Ни шороха, ни случайного порыва ветра, задевшего какую-нибудь тонкую металлическую пластину. Мир будто погрузился в вакуум, и мы в самом его центре.

Я вернулась в магазин. Алиса похожа на кокон, из которого вот-вот должна появиться бабочка. Дочка спит так мило, что рука еле поднялась, чтобы погладить её по костлявому плечу

и разбудить. Заспанные глаза открылись попеременно, а лицо исказилось в гримасе глубокой обиды, которая на самом деле растворится в ближайшие несколько минут. Я протянула Алисе воды. Пришлось остановить девочку на третьем глотке, иначе появляется шанс остаться без жидкости на долгое время.

– Как спалось?

Алиса лишь кивнула и посмотрела мне прямо в глаза. Я погладила её по волосам, тонкими сосульками прилипшим к маленькой подушке.

– У нас есть батончик. Будешь с яблоком или с апельсином?

– Апельсин, – ответила она совсем тихо, я еле расслышала в этом абсолютном беззвучии. – Есть два?

– Нет, милая. Я тогда возьму яблоко.

Мы перекусили, и это просто издевательство над желудком. Он чувствует еду, он голоден, но вместо питательной пищи его кормят пустыми сахарами. Клянусь, я бы сейчас и голубя съела. Жаль, что последнего видела полгода назад.

– Внизу поищем еды, – я обращалась к голодной дочери, и сердце внутри беспокойно болело. Будто дразню её, ведь если в этом торговом центре не завалилось хоть каких-нибудь захудалых продуктов, то это окажется моя вина.

– Хочу куриную ножку.

Детская наивность, как же она свята.

Я помогла Алисе свернуть спальный мешок. Его мы убрали в розовый рюкзак за её спиной, в который кроме этого свёртка и пары вещей ничего не влезало. Всё остальное тяжким грузом висело на моих плечах, опустившихся от тяжести на пару-тройку сантиметров.

Отодвинула манекены с дороги я провела Алису, держа её за руку. Я привыкла оборачиваться каждый раз, когда впереди оказывается хоть какая-то развилка. Слева, через три магазинчика, затянутых бордовой махровой пеленой, мы заметили эскалатор. Стебли, тонкие и длинные, торчали между ступеней и тянулись ровно к крыше. Природа забирала всё, но по-своему. Вряд ли она когда-нибудь простит обиды, которые ей нанесли за всё время существования человечества.

Аккуратно спускаясь по застывшим лентам эскалатора, мы оказались в главном холле. Тут есть давно переставший действовать фонтанчик. Прямо посередине, на дне, красовалась фреска с Самсоном, разрывающим пасть льва. Прозрачная гладь воды, кажущаяся чистой, стояла неподвижно, а я видела густые заросли странных водорослей, колышущихся туда-сюда в небольшом водном пространстве.

Алиса шагала, постоянно озираясь по сторонам, медленно поднося большой палец ко рту.

– Алиса. Что такое? – она сначала посмотрела удивлённо на меня, а потом на свой пальчик, словно кто-то другой тянулся к её губам.

– Извини, мам, – прошептала она скрипучим голосом.

– Ничего, только чаще следи за ручками. Хорошо?

Она кивнула так, что пряди волос взметнулись немного вперёд и тут же откинулись назад как канаты.

– Нет, так не пойдёт.

Я опустила на одно колено и достала из кармана растянутую резинку. Старалась не использовать их из опаски, что волосы скатаются в один плотный ком, но вряд ли это будет хуже, чем есть на данный момент. Расчесав Алисе космы гребешком с поломанными зубчиками, я затянула всё в один хвостик на правом виске. Алиса выглядела странно, но именно эту причёску она любила больше всего. Да и Грише нравилось, он порой по утрам долго приводил в порядок волосы дочери и по итогу завязывал их подобным образом. Как же я скучаю по Грише, и как же скучает Алиса по отцу.

Впереди маленькое деревце, пробившееся каким-то образом сквозь мраморный пол. Тонкий стебель выглядел очень крепким и сильным. Листочки, меньшие по размеру, чем миниатюрная ладошка Алисы, росли на неподвижных веточках. Мы прошли мимо, и Алиса проводила взглядом это чудо посреди бездушного камня. Впереди виднелась надпись с давно погасшими буквами. Название магазина почти полностью скрыто листвой лиан, свисающих с самого потолка со стеклянными окнами над нами. Оттуда долетал тусклый солнечный свет сквозь пыль и грязь. Заросли растений повсюду, они пожирали это здание. Медленно, но они отвоёвывали своё по праву, сантиметр за сантиметром.

У самого входа тележки, сложенные в ровные ряды. Всё выглядело так, словно этих мест не коснулись беспорядки, учинённые мародёрами. Я посадила Алису в тележку, и её тощие коленки в синих колготках под юбкой упёрлись в железные решётчатые края. Стеллажи завалены крупами и макаронами, но варить стало слишком трудоёмко из-за отсутствия быстрого доступного источника огня. Я взяла пару пачек макарон и пшённую кашу в пакетиках. Коробки были целыми и выглядели вполне прилично. Я залезла внутрь, там нет плесени. Хороший день. Я бы забрала ещё, если бы могла унести чуть больше.

Воды здесь предостаточно. Я выбросила старые мятые бутылки и взяла новые с перебивающейся водой внутри. Понюхала её из открытых горлышек. Запаха не было, будто вода дистиллированная. А иногда хотелось отведать знакомый вкус примесей железа. Такой водой словно быстрее напиваешься. Алиса стала беспокойно возиться в тележке, и я остановилась, высадила дочь. Мы двигались медленно и степенно мимо высоких полок, достающих почти до потолка. В большинстве своём продукты были протухшими и выглядели настолько отвратительно, что даже пустой желудок начинал неприятно сокращаться.

Зелёные яблоки, кажущиеся спелыми и будто только что принесёнными со склада, я не рискнула взять. Хотя Алиса посмотрела на меня с умоляющим взглядом, пришлось отказать. Мы набрали ещё лёгких вполне питательных пакетиков с сухой лапшой. Благо, её можно есть и без кипятка, в отличие от макарон. Хотя было время, когда мы их рассасывали, как леденцы, пока Алису не начало откровенно тошнить от них.

Я мельком отметила отдел товаров женской гигиены. Подумала о том, что Алиса скоро войдёт в тот возраст, когда её организм даст знать о своей зрелости. Вот тогда появятся новые проблемы, которые нам совсем ни к чему. Я взяла пачку прокладок, влажные и обычные салфетки, и заняла всё свободное место в рюкзаке Алисы, чтобы сильно её не нагружать.

– Мам, что это?

Хотела бы я не рассказывать это сейчас и здесь и тем более показывать, но пришлось. Алиса внимательно выслушала, и, когда я закончила пояснять об особенностях женского организма, скорчила такую гримасу, будто голой ногой наступила в собачью какашку. Даже это она сделала мило, я игриво дёрнула её за хвостик изрядно отросших волос, и мы продолжили путь.

Я столько внимания обращала на Алису, совершенно забыв про себя. На моих плечах тяжелыми прядями лежали белокурые волосы, которые от сальности выпрямились, а ведь когда-то были чуть ли не кудрявыми, как у барашка. В этом же отделе с гигиеной я взяла маленькую бутылку с шампунем на травах. От тяжести чувствовала, как меня начинает гнуть к земле. Я подняла большой пятилитровый бутыль воды и поставила в тележку. Сегодня хочу помыть Алису и себя хоть немного привести в порядок. Жаль, не нашла ножниц, нам обеим пора подстричься.

Еле затащила бутыль на тот же этаж, на котором ночевали. Решила подняться повыше, чтобы даже случайный незнакомец, будь то мародёр или просто скиталец, не нашёл нас ни в коем случае. Алиса предлагала свою помощь, но она сама весила как эта канистра с водой. Хотела бы сказать, что преувеличиваю, но за последний год Алиса из пухленькой девочки превратилась в вешалку для своей старой одежды. Её некогда круглые щёчки и маленький

второй подбородок глубоко спрятались, оголив череп с выпирающими скулами. Голубые глаза казались тусклыми жемчужинами на лице с нездоровым цветом.

Мои часы ещё шли каким-то чудом, уже час дня. Я решила, что сегодня ещё переночуем здесь, а дальше отправимся ровно по указателям с карты. Крупно повезло, что в часах Гриши, которые он мне отдал перед смертью, есть и компас. Наши шансы найти потерянный рай ещё оставались, хотя надежда медленно гасла. Если бы не Алиса, уверена, я висела бы в петле на ближайшем дереве.

– Что будешь?

– Лапшу с курицей.

Я достала пакетик и открыла его с одной стороны. Специи, похожие на вкус курицы, высыпала внутрь, зажала пачку пальцами и встряхнула несколько раз. Алиса протянула свои руки с отросшими ногтями и взяла пакетик, достав квадрат сухой лапши. Она грызла этот кирпич, а у меня слёзы на глаза наворачивались. Как бы я хотела накормить её настоящим мясом, а не этой дрянью. Сама съела то же самое. После лапши во рту остался неприятный вяжущий вкус. Но лучше уж это, чем запах голода из собственного желудка.

Алиса не любила принимать душ, а теперь это приходится делать в моём присутствии и с моей же помощью. Она ноет, но скорее для вида, ведь понимает, что иначе ей не справиться. Мы уединились в одной из раздевалок, подальше от того места, где отдыхаем. Пространства тут много, можно вылить всю воду и не бояться затопить спальные мешки. Я раздела Алису догола, сняв с неё всю грязную одежду, пахнущую потом и взрослеющей девочкой. Она закрывала низ под пупком, где уже пробивались тоненькие чёрные волосики. Я вылила немного воды из канистры на качающуюся на тонкой шее голову, и Алиса зажмурилась, будто вода может щипать глаза. Под её стопами образовалась серая лужа из грязи и вязкой воды. Набрав в ладонь чуть-чуть шампуня, я стала расплетать жёсткие пряди волос дочери. Они трудно поддавались, и Алиса порой всхлипывала, когда ещё один узел или колтун попадался под руку.

Мытьё заняло почти час, и большая часть времени ушла на голову Алисы. Теперь хоть немного чистые волосы волнистыми прядями легли на её худенькие плечи. Я старалась отводить взгляд от костлявого тельца, которое она пыталась скрыть. В этом полумраке Алиса выглядела ещё более худой, чем была на самом деле. На рёбрах натянута тонкая бледная кожа, и два соска похожи на прыщики, а не на грудь будущей девушки. Я вытерла Алису полотенцем и одела в чистую одежду. Ну, как в чистую, в прополосканную в реке, что мы перешли вброд три дня назад. Обе по колено вымокли, ведь моста над рекой я так и не увидела.

Алиса выглядела как беженка из бедной страны. Теперь жёлтые колготки торчали из-под моей старой кофты с капюшоном. Благо, на улице тепло, и можно обойтись без штанов поверх тех же колготок. Я ещё раз расчесала дочь и поцеловала во влажную щёку. Она сморщилась, словно надкусила лимон. Ей было неудобно, неприятно. Её нагота уже становилась неподобающей в моём присутствии, и мы обе это прекрасно понимали.

Алиса помогла мне помыть мою голову. Остальные части своего тела я тщательно протёрла влажными салфетками. Эти запахи уже притупились для моего носа, но Алису всё равно отвела за кассовую стойку и усадила на расстеленный спальный мешок, прежде чем уединиться в примерочной. Я плотно закрылась пыльной шторкой. В полной темноте наугад я вытирала похудевшие бёдра и между ними, а использованные салфетки бросала в угол. Вряд ли кто-нибудь будет меня отчитывать за то, что я мусорю.

Ощущение чистоты оказалось очень слабым, но оно подняло настроение. Я хотя бы смогла сменить трусики. Алиса улыбалась, глядя, как я выхожу из примерочной. Будто бы она знает мой секрет, и я не догадываюсь, что она в курсе. Моя маленькая, любимая хитрюшка.

Я села рядом, и Алиса упала головой на мои сложенные колени. Я гладила её по чистым волосам, думая о том, сколько мы вдвоём преодолели и сколько ещё жизненно необходимо пре-возмочь. Эти мысли внушают и животный страх, и отчаяние, но я должна терпеть и бороться.

Не могу себе позволить, чтобы жизнь Алисы была вечно такой. Должно же быть там что-то, на Юге?

Обязано. Просто обязано быть.

Глава 2

Алиса долго не могла уснуть. Её что-то беспокоило, и сквозь сон она порой бормотала что-то невнятное. Постоянно пыталась выбраться из спального мешка и встать. Я хватала её за руки и укладывала обратно, хотела успокоить, но ничего не помогало, пока она просто не уснула чуть крепче. Ко мне сон вообще не шёл.

Я думала о разном. Порой мысли переключались на уставшие намозоленные стопы. Тянувшая тупая боль вообще не покидала, и стоит чуть отвлечься, как мозг начинает сигнализировать лишь об одном – ноги скоро перестанут двигаться так же быстро и долго, как вчера, и с каждым днём будет всё хуже и хуже. Долгие отдыхи, дня по два-три, положение дел особо не меняли. Иногда кажется, что однажды я усну так глубоко, что не замечу, как ноги унесут меня неизвестно куда без моего ведома.

Алиса вздрогнула и зарылась лицом поглубже в мешок. У меня перед глазами мелькнули маленькие чёрные звёздочки. Этот магазинчик погрузился в такую тьму, что разницы между открытыми и закрытыми веками не было. Я могла лишь представлять всё то, что нас сейчас окружает – с десяток другой манекенов и скользкий мох снаружи. Чувство безопасности было ложным, но эти часы безмолвия позволяют немного отдохнуть. Если б только Бог знал, как я хочу выспаться на мягкой огромной кровати под белым и пушистым одеялом.

Сон показался секундой. Я сомкнула глаза в полной тьме, а проснулась, когда летнее солнце стояло в небе, пробиваясь сквозь стеклянную крышу. Спина сильно затекла, словно я выключилась и пролежала в одной позе всё это время. Я повернула голову и заметила, что мешок Алисы пуст.

Меня чуть не вырвало, а ком в горле встал как кость. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я огляделась по сторонам – никого. Растолкала манекены – они стояли на тех же местах, что и вчера вечером. Голова одного отвалилась при ударе об пол и покатилась к выходу. Но не успела я выбежать на этаж, как передо мной появилась Алиса с салфетками в руках.

– Мам, ты чего шумишь?

Я с трудом перевела дыхание и попыталась сформулировать чётко хотя бы одну мысль. Хотелось отругать Алису и одновременно поблагодарить, что она жива. Я взяла её за плечо и завела внутрь, проверив, что за ней никто не идёт.

– Где ты была?! – я сама ощущала, как гнев пробивается сквозь мой «сдержанный» тон. Внутри бушевал ураган эмоций, хотя всё обошлось, кажется.

– Ходила в магазин.

– Что ты там делала?!

Алиса достала из кармана салфетки с крупными красными пятнами.

– У меня кровь из носа пошла. Я не смогла найти в твоём рюкзаке салфеток и пошла искать сама. – Говорила Алиса, доставая из того же кармана маленькую пачку салфеток. – Я нашла, мам. Теперь крови нет.

– Почему ты их с собой принесла?

– Мусорить – это плохо.

Я села на колени и обняла дочь. Она такая тёплая, живая, в отличие от меня. Я думала, что сейчас сердце не выдержит и остановится от страха за Алису.

Мы перекусили, съели по фруктовому батончику. Алиса снова взяла апельсиновый, хотя всё время косо поглядывала, как я жую тягучую яблочную ленточку. Желудок перестал так сильно урчать и на время успокоился. Меня начал одолевать сон, которого я ждала половину ночи, но надо двигаться дальше. Мы плотно уложили спальные мешки и выбрались наружу через огромные стеклянные двери с тяжёлыми ручками.

Парковка плотно заросла травой, и серый асфальт почти не проглядывал из-под зелёного влажного ковра растений. Перед нами стояла одинокая машина, настолько густо покрытая мхом, что её легко можно было принять за обычный камень, если бы не еле видные колёса. Я сверилась с компасом, нам надо обойти торговый центр.

Ветер шелестел деревьями, выросшими посреди некогда немаленького города. Я не помню, как он называется. Надпись при въезде стёрлась, и мы брели по главной улице этого городка. На карте он даже не был отмечен, и лишь по его соседу, – нашему главному ориентиру на этом участке пути, – я поняла, что мы ещё не сбились.

По обеим сторонам от нас, сливаясь друг с другом, тянулись ряды пятиэтажных домов с покатыми крышами. Большинство окон либо выбиты, либо заколочены. На стенах много царапин и надписей. Город кажется не просто брошенным, он словно умер. Мы шагали по бетонному труп, который раньше являлся чьей-то малой родиной.

Подожли к кольцевому участку дороги. Посреди клумбы с длинной травой возвышалась стела, чуть изогнутая и похожая на серп. На ней не было надписей, лишь свисающие лианы.

– Мама, а зачем это построили? – я вела Алису, крепко держа за руку. Она указывала пальцем на стелу, и мы остановились. Мне нужна передышка.

– Это такой памятник, милая.

– Кому?

– Людям. Всем, не одному конкретному человеку. – Я скинула изрядно потяжелевший рюкзак и ощутила, как стало намного легче дышать.

– А что, люди могли забыть о чём-то?

– О том, что война уносит много жизней. Этот памятник был поставлен в честь тех, кто погиб за нашу страну в прошлой войне. – Я подумала о том, что люди мало чему научились с тех пор.

– А после *этой* войны памятники будут? – Алиса спрашивала искренне, и я мысленно желала ей дожить до времени, когда всё это станет историей, которую будут изучать по новым учебникам.

– Очень надеюсь. И ещё хочу верить, что эти памятники останутся напоминанием о трагедии.

Алиса с наигранным пониманием хмыкнула и подняла голову. Я не сразу заметила звезду на самой верхушке длинной стелы. Она была такой маленькой, удалённой от нас как настоящая звезда на ночном небе. Мне пришлось закрыть глаза рукой от палящего солнца, пускающего расплывчатое марево вдоль тянущейся дороги. Я вдохнула поглубже и закинула рюкзак за спину. Выдохнула нехотя, словно больше таких вдохов себе позволить не смогу никогда.

Мы обошли по кругу стелу и побрели вдоль дороги. До сих пор не покидает чувство, что сейчас сзади кто-нибудь начнёт сигналить из машины и кричать на двух дурочек, плетущихся посреди проезжей части. В какой-то степени я даже по этому скучаю. Что угодно, лишь бы верить, что мир вернется к тому состоянию, в котором находился до сброса бомб.

Алиса дернула меня за руку. Я чуть не упала на уже распухшие от напряжения ноги. Дочка поманила пальцем, и я прижалась ухом к её тонким посиневшим губам.

– Там опять они.

Мои глаза округлились, и капля пота, вызванная страхом, прокатилась от линии волос по лбу до кончика носа. Я медленно сняла рюкзак и встала на одно колено. Алиса знала, что двигаться нельзя, и теперь застыла, как ледяная фигура. Я открыла рюкзак и залезла внутрь.

Я знаю всегда, где он лежит, хотя лучше бы его носить за поясом, но слишком боюсь, что он выстрелит и пробьёт мне задницу. Передёрнула затвор пистолета, держа оружие в рюкзаке, чтобы уменьшить уровень издаваемых нами звуков. Сняла оружие с предохранителя и встала, ощутив пронёсшуюся по спине жгучую боль.

Алиса смотрела не отрываясь на это существо. Оно еле вышагивало в разодранных штанах, подволакивая одну ногу. Кожа на его теле обвисла. Открытая грудь покрыта огромными запёкшимися струпьями. Лицо. Всегда было лицо. Оно как маска из древесной коры, и лишь два мутных глаза торчат на голове этого некогда живого человека.

Боюсь стрелять, а ножи их не берут. Я застыла вместе с Алисой, и хрипящее существо прошло мимо. Он него жутко смердело мертвечиной и гноем. Он оставлял за собой бордово-коричневый след на траве и асфальте. С его оголённых плечевых костей спадала кожа с кусками мяса. Нам ещё повезло, что это была не толпа, как в тот раз, когда мы с Алисой были вынуждены покинуть наше последнее убежище.

Ходячий труп словно плавился в разгорячённом воздухе. Лишь когда он полностью пропал из виду, я убрала пистолет обратно, не понимая, почему мы его встретили днём. Алиса бросилась в мои объятия. Девочка не плакала, хотя имела полное право. Это слишком много для тринадцатилетки. Она никогда в жизни не должна была увидеть подобное.

Мы продолжили путь ускоренным шагом. Теперь казалось, что эти дома совсем не пусты, и квартиры кишат живыми мертвецами. Теперь в каждом окне вижу лицо, покрытое плотной коростой. День не собирался завершаться, а вот наши силы подходили к концу. Мы пересекли черту города, и теперь он медленно исчезал за нашими спинами, сменившись на негустой лесок из тонких берёз и низких кустарников. Дорога извивалась, выматывала и будто издевалась. Я отпустила руку Алисы, и та прошла чуть вперёд. В подростке точно больше сил и энергии, чем во взрослом. Она бегала и прыгала, а я радовалась, что воспоминания последних нескольких часов потихоньку улетучивались. Ребёнок просто радовался природе. Если б ещё хотя бы птицы щебетали. Мои воспоминания воспроизводили стук дятла, и дорога не казалась такой унылой.

– Что вам рассказывали в школе про лесных птиц?

– Что их очень много.

– А каких ты помнишь?

– Мне понравились глухари. Они такие большие и красивые. – У Алисы с детства были свои представления о красоте.

– А ещё?

– Ещё нравились белочки.

– Это же не птицы.

– Я знаю, мам.

Алиса носилась челноком от одного края дороги к другому, кажется, не особо меня слушая.

– Милая, побереги силы. Идти ещё долго. – Она не прекратила бегать, и мне пришлось чуть ускориться, чтобы нагнать разыгравшегося ребёнка. – Отдохни немного.

– Ты всегда так говоришь.

– И я всегда права, верно?

Алиса молча кивнула и пошла рядом, но не вложила свою тоненькую ладошку в мою протянутую руку. Мы не разговаривали даже о её любимых белочках. Лес шелестел, берёзы постепенно сменялись покачивающимися соснами с трескучими стволами. Дорога превратилась в неширокую тропу. Я проверила компас – направление верное.

– Алиса, покажи карту.

Мы остановились, Алиса сняла рюкзак, достав на весу смятую карту. Дорога верная, но я думала, что она будет намного шире, а это деревенская тропка, не предназначенная для езды автомобилей. Алиса накинула расстёгнутый рюкзак обратно на спину, я развернула дочку и убрала карту обратно, закрыв молнию рюкзака. Обычно Алиса это забывала делать, и порой даже теряла учебники по пути до школы. Несколько раз приходилось покупать новые.

Времени шесть часов дня, и мой шаг становился всё более неуверенным. Я боялась, что до темноты мы так и не найдём хоть какой-то крыши над головой. Но когда я мысленно уже была готова к ночлегу посреди кустов, впереди появилась красная вывеска. Я сначала не поверила глазам, но за подъёмом дороги, давшимися слишком трудно, расположилась некогда запра-вочная станция. Бензоколонки покрылись толстым слоем ржавчины, но само строение выгля-дело вполне себе пригодным для разбивки лагеря.

Я приказным тоном дала указание Алисе спрятаться в кустах и сидеть тихо, пока не подам сигнал. Я оставила свой рюкзак с ней и достала пистолет. Алиса знала, что в случае чего она должна будет ещё долго просидеть в укрытии. Только если поймёт, что опасность миновала, то заберёт всё из моего рюкзака, что сможет унести, и пойдёт по компасу в направлении Юга. Я оставила ей и часы. Всегда так делаю, когда проверяю потенциальное место для стоянки.

Внутри темно. Пустые стеллажи, даже журналов не было. Обычно люди оставляли после себя мусор, покидая временное прибежище, но и его не оказалось. Я проверила подсобку и обнаружила там ведро со шваброй, больше ничего. Вышла и помахала Алисе. Она поднялась из кустов и притащила наши рюкзаки. Я на полпути подхватила груз, и мы вошли внутрь. Тут прохладно, самое то, чтобы не умереть от обезвоживания. Мы сделали по несколько глотков из питьевых запасов и за дальними стеллажами расстелили спальные мешки.

Алиса где-то под полками нашла комиксы и принялась листать, сидя у входа так, чтобы свет падал ровно на глянцевые страницы. Я устроилась рядом и стала рассматривать кар-тинки, вообще не читая текст. Уверена, Алиса тоже не читала, а скорее разглядывала цветные рисунки.

Забарабанил мелкий дождь, со временем набравший силу. Небо затянулось черными тучами. Молний мы так и не увидели, спрятались подальше от окон, но гром бахал где-то вдалеке. Я достала фонарик. Мы редко им пользовались в целях экономии батареи. Дочка рас-строилась, когда страницы комикса в наступившем полумраке стало невозможно разглядеть. Я включила фонарик, и тот слабым мигающим светом пролился на страницы, оставляя зайчиков на стене.

– Про что комикс?

– Не знаю, – Алиса пожала плечами, – кажется, про мышей и кошек. Я не читала.

– Почитаем вместе?

– Не хочется как-то.

Алиса зевнула и продолжила листать комикс, а когда дошла до конца, то вернулась к самому началу. Девчушка принялась разглядывать картинки с самой первой странички, не погружаясь в чтение.

– Хочешь, я тебе прочитаю?

Она кивнула, и я взяла комикс в свои руки так, чтобы и фонарик не уронить, и чтобы Алисе было видно. Она сама переворачивала страницы, снова потянув большой палец ко рту.

– Хочешь пить? – я прекратила чтение.

– Да, и есть.

Мы немного перекусили. Закат оранжевыми лучами пронзал серые тучи, уходящие с небосвода. Там промелькивали звёзды. Воздух был настолько чист и прозрачен, что казалось, будто на ковёр просыпали блёстки. Алиса прислонилась головой к моему бедру и широко зевнула. Я отвела Алису к спальному мешку и завернула как пельмешек. Немного почитав, закрыла журнал. Алиса уже тихонько посапывала, держа пальчик у рта.

Время тянулось медленно. Я спать не хотела, хотя снаружи становилось всё темнее. Было настолько тихо, будто кроме меня и Алисы в этом мире больше ничего живого не осталось. Я ощущала, как тело ноет с шеи до пяток. Боялась прикоснуться к ногам, они так отекали, что вот-вот лопнут от любого неловкого движения или прикосновения.

Сначала я думала, что мне показалось, но потом заметила мелькнувший снаружи свет. Вскоре послышались звуки моторов. Я разбудила Алису, и та начала громко хныкать. Пришлось зажать ей рот ладонями. Она ногтями впилась в мою руку, и только тогда я увидела, что сдавила ей рот вместе с носом. Алиса быстро поняла, что стоит вести себя крайне тихо. Что-то происходит там, снаружи.

Звук движущейся машины совсем близко, но я побоялась перебираться в подсобку. Там слишком мало места, чтобы уместиться нам обеим вместе с рюкзаками. Я кинула в подсобку все наши вещи, а Алисе велела спрятаться в дальнем углу. Знаю, как она боится темноты, поэтому пришлось дать ей фонарик, сказав, чтобы та ждала до утра. Я быстро стянула с запястья часы со светящимся в темноте циферблатом, кинула ими в Алису и заперла в подсобке, а сама нырнула за кассу.

Если огромная сумка, набитая провиантом, лежит без дела, то значит, что и люди рядом. Так могли подумать незваные гости. Я дала маленький шанс Алисе, хотя не особо верила в успех. Эти мысли наводили ужас и страх за дочь. На глаза навернулись слезы, когда я услышала пьяный смех и голоса, перекликающиеся с грохотом выхлопной трубы. Захлёбывающийся мотор затих, но фары ещё горели. Тени мелькнули по бензоколонкам и, извиваясь как водоросли в воде, стали уменьшаться. Они идут сюда.

Когда шаги тяжёлых сапог отгремели у самого входа, я словила всхлип Алисы, и по спине пробежал холод. Я закрыла рот руками и уставилась на дверь, за которой сейчас сидит моя дочь в полной темноте и жуткой тесноте. Фонарик? Я дала ей фонарик?!

– Денис, посмотри там... – пьяный голос скомандовал, прозвучав совсем хрипло.

Металлические набойки зазвенели слева от меня за несколькими пустыми стеллажами. Я поджала колени ближе к подбородку и накинула капюшон. На что мне приходится рассчитывать? Это просто смешно, но выхода нет.

Судя по голосам, их тут трое. Только если оставшиеся не ждали в машине. У них не было фонарей, и они двигались в полумраке, освещаемом автомобильными фарами. Они словно намеренно ищут именно одну меня и больше никого. Щёлкнул затвор, за которым последовал неприятный запах. Заправка медленно наполнялась сигаретным дымом, и таким едким, что лёгкие стало распирать. Лихорадочный приступ кашля был уже на подходе. Я подумала, что если бы Гриша курил, то я бы хоть немного привыкла к дыму сигарет. Но нет, всё складывалось в худшую сторону, и я опять услышала всхлип Алисы. Чуть более громкий, чем предыдущий. У неё там, наверное, всё меньше и меньше воздуха, а этот удушливый смог проникал во все щели. Скорее всего дым уже затянуло через тонкую щель под дверью, превращая подсобку в газовую камеру.

Шаги стихли, но я уверена, что никто не покидал заправку. Мародёры, а это были именно они, просто встали.

– Дай сигаретку...

– Пошёл в пизду! Ты в машине уже две стрельнул. У Володьки три осталось и всё, а ехать ещё несколько часов. У меня уши свернуты в трубочку!

– Ничего, потерпишь.

– Дай ему, – послышался женский голос. – Не жмись.

– Вот ты и дай, тебе есть что.

Глухой звук удара, потом смех. Они стали выходить, решив не проверять кассу. Хотя, на что им деньги? Сейчас они никому не нужны. Да и брать здесь было нечего.

Голоса звучали снаружи ещё какое-то время, но слова я не смогла разобрать. Вскоре затрахтел двигатель. Мимо дверей пронеслась машина с широкими полосами ржавчины на боку. Выхлопной дым смешался с сигаретным, мой рот наполнился воздухом, толчком вылетевшим из лёгких, но застрявшим у сомкнутых губ. Как только свист тормозных колодок и шум мотора

стал хоть немного тише, я зашлась в кашле. Горло драло, и я не могла остановиться. Алиса выползла сама, светя на меня включенным фонариком.

– Убери быстро! – я успела сказать два слова между приступами кашля. Свет мгновенно пропал, и сдавленный плач Алисы допрыгнул до моих горящих ушей.

Алиса уселась коленями на голый пол, обняла меня за плечи, и я стала постепенно успокаиваться. В глазах потемнело, и я решила, что сейчас упаду в обморок. Я привстала и припала спиной к стене, ударившись затылком. Алиса тут же подползла и прижалась всем телом. Её плечи беззвучно содрогались от слез и перенесённого страха. Рукавом кофты она вытирала слезы, текущие ручьем. Девочка уткнулась в мою грудь лицом, жарко дыша.

– Всё хорошо. Всё позади. Успокойся, моя дорогая.

Конечно, она не успокоилась. Днём мертвец, вечером мародёры. Где бы мы ни были – они всегда одинаковые. Пьяные и злые. Насильники и убийцы. Забирают всё, что хотят. Решают, кому жить, а кому умереть. Для таких война – это благо и возможность устраивать полный хаос вокруг. Боевые действия закончилась, а люди как ненавидели друг друга, так и ненавидят.

Я разглядела в ночном мраке открытую подсобку. Темнота внутри была ещё более плотной, чем здесь, и я поверить не могла, что Алисе удалось провести там несколько минут. Что чувствовала беззащитная девочка, запертая в таком мраке? Я её бросила, но теперь она здесь, цела и невредима. Мы обе постепенно успокаивались. Живы, но измотаны как физически, так и морально.

Время шло. Алиса прикорнула на моих ногах. Я решила, что она уснула, но дочка лишь перестала плакать. Бедный ребенок, в темноте ночи я различала ее глаза, блестящие от слёз. Пора укладываться и пробовать снова уснуть. Нам нужны силы.

Я передвинула стеллаж ближе к кассе так, чтобы наши ноги не были видны. Заправку накрыла тень. Я оставила рюкзаки в подсобке, достав оттуда лишь спальные мешки. Алиса отказалась спать одна, и мы улеглись вдвоём, крепко обнявшись. Она забилась головой мне под руку и быстро уснула. Её мерное дыхание медленно усыпляло и меня. Я стянула часы с руки спящей дочери и проверила время. До рассвета осталось несколько часов.

Глава 3

Прошло два дня с тех пор, как мы чуть не попались мародёрам. Как я и боялась, одну ночь провели в кустарниках у обочины, одну – в заброшенном доме. Деревянный, красивый, но внутри абсолютно пусто. Мебели не было вообще, лишь сгоревший пол посередине комнаты напоминал ритуальный круг. Меня пугало, что с каждым днём мы ели всё меньше. Наши желудки уже не могли принимать одну воду и сухую лапшу. Я всё чаще замечала кровь на салфетках, когда вытиралась после туалета.

Шаги Алисы становились более беспорядочными. Мы двигались медленнее, постепенно отдаляя момент, когда доберёмся до Юга. Я давно носила в себе мысль, чтобы остановиться на долгое время. Не на день или два, а на неделю и больше. Нам нужен отдых, иначе тела откажут как машина без топлива. Я сверилась с картой: ближайший город примерно в двадцати пяти километрах от нас, но дорога к нему ведёт намного правее того маршрута, которого необходимо придерживаться. Я предложила Алисе привал, и она согласилась, безвольно кивнув поникшей головой. Ей уже плевать.

Мы свернули с дороги к городу, где точно должен оказаться хотя бы один торговый центр. Требуется пополнить запасы и отоспаться. Снова риск и возможность погибнуть ни за что, но иного выхода нет, иначе заветный Юг так и останется недостигнутой точкой на старой смятой карте.

– О чём думаешь? – я спросила дочь, смотрящую вдаль. Нагнулась, чтобы увидеть её глаза. Они словно два стеклянных шарика, блестящие и пустые. – Алиса?

– Помнишь мою игрушку? Оранжевый мышонок в зелёных шортах с подтяжками? У него ещё усы отвалились в первый же день?

– Да, помню. А что такое?

– Я не взяла его с собой намеренно, но меня теперь беспокоит, что я не помню, где его оставила. Вроде бы дома, в шкафу или просто на полу.

У Алисы с первого дня не было никаких игрушек, а это значит, что выбор был сделан в пользу чего-то более важного. Интересно, что тринадцатилетняя девочка, посещающая по воскресеньям школу для необычных детей, посчитала более полезным, чем одна из любимых игрушек детства?

– Скорее всего на верхней полке шкафа в твоей комнате. Я туда убирала игрушки, когда ты о них забывала.

Алиса резко остановилась и закрыла лицо ладошками, полностью закутанными до кончиков пальцев рукавами кофты.

Нет смысла спрашивать, что случилось. Я обняла дочь. В спине закололо от рюкзака, превратившегося давно в мешок с кирпичами. Этот скарб жутко надоел.

– Мам, хочу пить. У нас есть?

Алиса вытерла рукавами слезы, немного просветлев. Я достала бутылку и открыла крышку. Далось это с трудом, и на побледневших пальцах остались бороздки, отдающие жгучей болью. Алиса сделала пару нервных глотков. Я думала, что она подавится. Девочка набрала в рот воды, щёки раздулись, и отдала бутылку. Я тоже немного отхлебнула и убрала остатки в рюкзак. Алиса продолжила путь с заполненным водой ртом.

Несмотря на разгар летних дней, листья опадали с деревьев, быстро сменяясь на более жёлтые. Дорога была устлана огромным зелёным ковром, ветер гонял листву из стороны в сторону. Освежающий, он вгонял в сон. Ноги предательски гудели.

Я так устала идти.

К вечеру мы оказались в черте города. Он начинался с промзоны, и сначала мы встретили заброшенный завод с огромными широкими трубами, покрытыми мхом и лианами до самого

верха. Эта серость наводила тоску, и нам стало немного легче, когда бетонное уныние сменилось на красивый, но пустой город. Он оказался маленьким, ухоженным, как детская комната. Разноцветные дома, этажей в пять, стояли тут и там, образуя прямоугольные дворы. В каждом из них площадки с качелями пустовали без гомона детских голосов. Больше всего удивила чистота. Ни одного окна не было разбито. На стенах домов нет граффити, и кроме листьев на дорогах ничего, будто только вчера по улицам прошли с генеральной уборкой.

Я не знала точно, где здесь торговый центр, но мы плелись по направлению к источнику красоты. По бокам главной дороги начинались ряды синеватых елей, перемежающиеся с низкорослыми кустарниками. Они заметно разрослись без человеческого контроля, и тонкие корни тянулись от клумб почти до серединной разметки асфальта. Мы удивленно главели по сторонам, словно очутились в другой стране. Я так привыкла хоть к какому-то проявлению урбанизма и человеческой беспечности, что забыла, каким может быть городской уют, где тишина и днём, и ночью, и люди все знают друг друга.

Мы чуть не прошли мимо центра. Он был маленьким, не выше окружающих его домов. За его территорией выглядывала небольшая аллея со скамейками и заполненным стоялой водой фонтаном. В чаше фонтана нет никаких статуй, лишь тонкие трубы разной длины походили на сосульки, растущие вверх. Мы пересекли дорогу по пешеходному переходу, и это вызвало приятное ощущение. Соблюдение правил давно погибшего мира может приносить странное забытое удовольствие.

Двери торгового центра оказались заставлены. Железный прут проходил через ручки и заворачивался в узел, отчего невозможно было открыть двери до конца. Я решила, что внутри кто-то может находиться, но прошлый опыт подсказывал, что люди, даже страшась мародёров, вывешат какие-нибудь опознавательные знаки, чтобы обычные прохожие без злых намерений могли остановиться на ночлег. Но ничего такого вокруг не обнаружилось. Мы обошли здание, и ни единого знака, ноль опознавательных сигналов.

Алиса указала рукой на маленькое приоткрытое окошко. До него можно дотянуться и при желании даже залезть. Я скинула рюкзак и поднялась на цыпочки, ухватившись руками за край окна. Внутри светло, но людей нет. Я забралась по пояс и осмотрелась. Торговый центр казался нетронутым, возможно, нам опять повезло. Здесь можно переночевать и пополнить запасы еды.

Я помогла Алисе забраться внутрь и закинула следом оба рюкзака. Сама тут же последовала за ними, чуть не свалившись лицом вниз. Зацепилась пяткой за верхнюю раму и приземлилась на руки, ободрав ладони. Алиса подскочила ко мне и помогла подняться. Я уверила её, что всё в порядке, но кожу жгло аж до скрипа в зубах.

Мы выучили несколько правил. Одно из них гласило: «Никогда не окликайся, заходя в незнакомое помещение». Лучше разведать обстановку, будучи незамеченным. Если встреченные люди опасны, то это даёт шанс уйти и остаться в живых. Если же попались обычные странники, то никто не убьёт тебя лишь за то, что ты прокрался без корыстных целей. Все понимали, что осторожность приобрела совершенно новые черты.

Витрины плотно покрылись пылью, они тянулись вдоль всего первого этажа, образуя ровный круг. Мы поднялись на второй этаж, не найдя на первом хотя бы небольшой продуктовой лавки. Она был на третьем, и мы еле заползли по неработающим эскалаторам. Выбрали стоянку на несколько ночёвок. Это книжный магазин. Видимо, после апокалипсиса книги стали совершенно бесполезны, и теперь ими только костры и разжигать. Битти был бы доволен.

Мы снова решили прятаться за кассой, как в прошлый раз. Касса была в дальнем углу стены. Найти нас теперь можно только в случае, если искать нарочно. Я передвинула полки с книгами, какие смогла, и закрыла нас как за баррикадой. Оставила узкий проём лишь для того, чтобы прокрасться при необходимости.

Мы оставили груз в книжном отделе и отправились в продуктовый. На полках остались только протухшие продукты. Валялись несколько консервных банок. Я закинула их в тележку рядом с опостылевшими макаронами. Если оставить их в воде, то они немного размякнут, превратившись в кашу. Добавить немного соли и остатки специй, и уже не так мерзко. Кто б знал, что диета начнётся лишь после конца света.

Здесь был и отдел игрушек. Остались несколько плюшевых зверят и какие-то некрасивые пластмассовые чудики, которые в оригинале должны были походить на модели с модных показов, но выглядят как жопа из кустов. Алиса взяла плюшевого попугая, он вполне прилично выглядел, хотя из него торчали во все стороны цветные нитки разной длины. Ребёнку нужны игрушки, а мне не помешал бы алкоголь. Напиваться не хочется, но вот уснуть быстрее – крайне заманчивое желание. Само собой, я ничего не нашла на винных полках. Там только пустые бутылки, сваленные в одну стеклянную гору, и ничего больше. Наверное, алкоголь самым первым пустился в расход. Я расстроилась, уже представляя первые глотки, приятно обволакивающие горло. Может, оно и к лучшему. Так Алиса не увидит, как её мама в одиночку пьёт, чокаясь сама с собой.

Мы не ужинали, а это плохо. Алиса самостоятельно развернула спальный мешок и легла, как обычно моментально уснув. Я тоже присоединилась к ней, глядя в потолок с давно потухшими лампами. Я не думала ни о чём, прислушиваясь к пульсациям мозга. Ощущала свой же запах изо рта. Так воняет отчаяние – голодом, который не хочется утолять. Я перевернулась на бок, упёршись лбом в тонкую ножку Алисы. Мне так спокойнее, и я, наконец, уснула.

Меня разбудил шорох внизу. Он прыгнул эхом от стены к стене и добрался до нашего магазинчика. Судя по сумраку снаружи, утро ещё не наступило. Я посмотрела на часы, там четыре с половиной утра. Шорох повторился, и надо проверить его источник. Я судорожно искала в сумке пистолет, стараясь не шуметь. Спокойный сон дочери был уже не в приоритете. Нашупав оружие, я вышла из магазина. Внизу шевелился пол. Тёмная масса сотрясалась, как желе на тарелке.

Это они – мертвецы. Десятки, если не сотни. Двери магазинов открыты, и, видимо, из них хлынула эта бесформенная масса. Я чуть не уронила пистолет, утратив рассудок на мгновение. Мы загнали себя в ловушку, а ведь могли догадаться – двери этого здания были забаррикадированы снаружи, а не внутри.

Какая же я всё-таки дура!

Алиса окликнула меня сонным голосом. Она не знала, что нужно вести себя тише. Казалось, сердце стучало где-то в горле. Я не могла повернуть головы, чтобы посмотреть на дочь. Вот бы дать ей взглядом понять, что лучше нам быть чуть скромнее. Алиса поднялась из-за прилавка, утирая глаза рукавами кофты. Она двинулась мне навстречу на шатающихся ногах, её веки были опущены. Девочка словно бродила во сне. Хотелось очнуться от кошмара, оказаться в своих кроватях, пока Гриша готовит завтрак на всех.

– Мам? Зачем ты?..

Я молчала, округлив глаза. Не могла произнести ни слова и лишь двигала губами, думая, что Алиса сможет по ним всё прочитать. Я взмолилась, чтобы она не спрашивала ни о чём. Стараясь не запнуться о валявшиеся на полу книги, я крадучись приблизилась к дочке. Вот бы она сейчас заткнулась.

– Мама, что случилось?

Я, держа пистолет в правой руке, этой же рукой закрыла рот Алисе, ударив её тяжёлым прикладом прямо по зубам. Она закричала мне в ладошку, и я наклонила ее, уложив на пол. Держала так крепко, что её личико покраснело. Алиса царапала мои руки, и слёзы капали прямо на них.

– Тише, тише... прошу тебя, они там.

Я шептала так тихо, что сама еле различала свои же слова. Алиса перестала брыкаться и посмотрела на меня покрасневшими глазами. В одном из них лопнули капилляры, и глазное яблоко порозовело. Алиса похлопала меня своей похолодевшей ладошкой по руке, и я ослабила хватку, убедившись, что в её рту не затаился предательский вопль.

У меня сбилось дыхание, я хотела обнять дочь, но застыла, прислушиваясь к происходящему внизу. Гул хриплых голосов заставил ощутить животный ужас. Алиса похлопала меня по плечу. Моя умничка всё знает и понимает, почему я так грубо с ней обошлась только что. Она схватила меня за одежду и втащила в магазин, где я смогла наконец-то выдохнуть. Из меня потоком хлынули слезы. Я вытирала их тыльной стороной ладони, сжимающей пистолет до посинения. Алиса гладила меня по щекам, смахивая солёные капли.

Мысль, как молния, прошла мозг: пуль хватит на обеих... я даже поднесла к подбородку дуло, но тут же убрала. Какой же глупости я обрадовалась – Алиса не увидела этого, не придала этому значения. А ведь я хотела как лучше. Всегда, правда, но боюсь, что сдамся первой, оставив Алису одну.

Я убрала пистолет в рюкзак и велела Алисе сидеть за прилавком. Сама же, меряя пол маленькими шагами, прижалась к ограждению над обрывом в кипящую живую пропасть. Высунулась так, что торчал только мой вспотевший лоб и два влажных глаза.

Мертвецы всегда так делают, когда сбиваются в стаю. Они одной рукой держатся за другого, стараясь не отбиться от остальных. Эти слепые пожиратели как правило бредут друг за другом, даже преследуя жертву. Им не было конца, и своими ебучими обгоревшими руками они держались за плечо впереди идущего, обычно самого злобного. Мутировавшего, похожего на самого дьявола.

Они не знали о нашем присутствии. Выползли наружу из своих теней, пока на небе не появилось яркое солнце, превращающее каждого из них за считанные часы в лужицу расплавленной плоти. Поэтому они так любят тьму – мать, их породившую. В тени они прячутся и ждут.

Я вернулась за укрытие и припала спиной к стене. От страха покрылась потом, каплями сбегающим прямо в задницу. Я прикрыла рот руками, чуть не закричав. Мельком заметила взгляд Алисы и повернула голову в сторону, словно это что-то изменило бы. Всё равно эта бедная девочка видит, как её единственный защитник медленно теряет рассудок.

Всего полгода назад мы нарывались на мертвецов, и вот снова – их много, и они никогда не насыщаются. Я видела, как они рвут зубами человеческую плоть, тянут жилы и ломают кости. Это видела и Алиса. Не должна была, но так уж случилось.

Хуже войны только её последствия.

Я на четвереньках, как трусливая псина, заползла в магазин и закрыла стеклянные двери изнутри. Подпёрла их двумя стеллажами с книгами, двигая по миллиметру эти тяжести, лишь бы не скрипнули. Алиса поджала колени, сидя в тени. Её худое тельце тряслось, и я думала, что больше она боится за меня, чем из-за чудовищ снаружи.

Я подумала, а может быть и здесь помимо окон есть стеклянный прозрачный потолок? Если бы мы смогли его разбить, то солнце загнало бы их снова во тьму, и мы с Алисой выбрались бы тем же путём. Я аккуратно отцепила Алису, схватившуюся за меня как маленькая обезьянка, и на цыпочках добралась до выхода.

Пришлось немного отодвинуть стеллажи, чтобы открыть дверь и выбраться наружу. В потолке было стекло, но это совсем маленький купол, который пустит недостаточно света. И вдруг я вижу – мертвецы поднимаются выше по этажам. До восхода от силы минут пятнадцать, и солнце зажжётся в небе так, чтобы его свет прольется ровно на головы этих чудовищ. Я рванула обратно и задвинула стеллажи, стекло дверей затрещало и чуть не потрескалось. В книжном отделе стало темно из-за баррикады, и это либо спасёт нас, либо окончательно погубит. Среднего не дано.

Алиса сжалась, а потом громыхнул этот хрип. Он звучит уже так близко! Хруст грубой, покрытой коростами кожи похож на раздавленный мешок с сухарями. Мимо выхода промелькнул один из них, даже не повернувшись в нашу сторону. За его плечо держался ещё один, у него нет головы, и из шеи торчит что-то наподобие сломленного ствола дерева. Потом и третий – они тянулись друг за другом мимо нас, создавая цепочку.

В горле пересохло. Сухие губы слипались, и я даже не могла сглотнуть застрявшую где-то у гланд вязкую слюну. Их вонь просочилась сквозь узкую щель между стеклянными дверьми. Алиса зажала половину лица рукавами кофты. Она помотала головой, но я не смогла понять, что это значит. Я села ещё ниже, прижавшись лбом почти к самому полу. Безумно хочется, чтобы день быстрее начался.

На часах 5:46. Солнце уже должно появиться из-за горизонта и медленно стремиться к своему зениту. Змейка из мертвецов стала ускоряться, и вот последний из них прошаркал рядом, унося за собой гнилостно-сладкий запах. Стало легче дышать, но сердце всё равно колотилось внутри как отбойник. Мертвецы прячутся в тени, в прохладе, и выйдут только к ночи. Алиса привстала, и я не успела её остановить, прежде чем она высунулась из-за кассы. Я боялась, что кто-то из них мог отбиться от основной толпы и плестись позади всех, но больше никого за стеклом не появилось. Алиса хотела перешагнуть через меня, я ей не позволила.

– Куда ты?

– Хочу проверить.

– Они ушли, – шептала я, после каждого слова сглатывая слюну. – Посидим ещё.

– А если нет?

– Тогда тем более остаёмся здесь.

Я дёрнула Алису за рукав, и та чуть не упала, опёршись рукой на моё плечо. Алиса села чуть поодаль и скрутила руки на груди, выпятив нижнюю губу. Я знала, что она обижается не по-настоящему, но видеть её такой всегда неприятно. Меня это порой злило, и даже сейчас гнев брыкается в груди.

– Чуть позже проверим. Главное – это безопасность, верно, Алис?

– Угу, – не меняя позы и выражения лица промычала Алиса. – Но я хочу сама посмотреть.

– Зачем?

– За тем, что могу сама. Я тоже могу проверять.

Права ли она? Наш опыт жизни отличался, но вот опыт выживания был одинаковым, и могу ли я корить дочь? Она старается сделать всё, что в её силах. Наверное, это с какой-то стороны неправильно, но судить некому, у меня всё ещё на плечах ответственность. Так? Гриша...

Становилось жарче. Солнце поднялось, и теперь его лучи пробивались сквозь летающую пыль в торговый центр. Внизу слышались шипение и рыки, видимо, кто-то из мертвецов попал под свет. Я покрылась томительной испариной, и голова отяжелела. Мы не выспались этой ночью и испытали большой стресс. Я должна думать о нашем спасении, но верные мысли всё не идут. Алиса так и уснула в позе «обиды», склонив голову к груди. Я медленно уложила её на расстеленный спальный мешок. Пусть поспит. Может, забудет хоть ненадолго, что случилось этим утром. Мы слишком хорошо знаем, что это за страх. Слишком хорошо.

Снова наступила тишина. Это тошнотворное отсутствие звуков, и порой кажется, что совсем оглохла. Только в таком состоянии начинаешь слышать саму себя, свои потаённые мысли, самые темные. Ты их стыдишься, но от этого они никуда не исчезают. Мысли копятся, крепнут и превращаются в навязчивую идею. Найти для себя оправдание с каждым разом становится всё труднее.

Думаю, стоит вернуться ровно тем же способом, что и привёл нас сюда – через маленькое окошко. В середине дня, когда солнце не даст нечисти забрать нас.

– Да, Алиса?

Девочка, свернувшаяся калачиком и обнявшая колени, тихо хмыкнула во сне. Она со мной согласилась, но я уверена, что, проснувшись, она этого не вспомнит. Оно и к лучшему. Не за чем ей знать, что придётся пройти через всё это ещё раз.

– Алиса, вставай. Нужно уходить, срочно.

Алиса резко соскочила с места, и я даже немного испугалась. Кажется, она проснулась лишь в тот момент, когда выпрямились её ноги, а до этого разум ребёнка спал.

– Что, мама? Ты что-то сказала?

– Да, мы уходим.

– Сейчас?

– Да, – ответила я немного резко и раздражённо. – Сейчас.

Алиса молча собрала спальный мешок и закинула портфельчик на костлявые ручки. Я надела рюкзак на горящие огнём плечи в тех местах, где лямки уже продавили бордовые колени на бледной коже. Стеллажи сдвинули ровно настолько, чтобы протиснуться между стеклянными дверьми. Внизу было совершенно тихо, будто чудовища уснули, готовясь ночью снова выползти и слоняться в поисках жертвы.

Я крепко держала Алису за руку. Мы спустились по эскалаторам на первый этаж. По телу бегают мурашки, и мы обе идём ровно посередине холла, стараясь не приближаться ни к одной витрине. Нашли тот же коридор, что и привёл сюда. Маленькое окошко оказалось чуть выше, чем я помнила. Снаружи нам помог более высокий уровень земли, а тут я до проёма не дотягивалась вовсе, и поэтому свалилась, впервые пролезая внутрь. Благо, рядом стоял складной стул, и я пододвинула его поближе к стене. Высунула голову из окна и осмотрелась. Никого и ничего, и лишь трава на уровне моего лица пахнет сыростью.

Я помогла Алисе пролезть и протолкнула свой рюкзак прямо за ней, но только моя ноша пропала из поля зрения, как стул под ногами скрипнул и сложился. У него отлетела ножка, и я свалилась прямо на копчик с такой силой, что клацнули зубы. В голове помутилось, и я подумала, что сейчас потеряю сознание, но боль в пояснице не дала даже закрыть глаза. В главном холле послышался хрип, недовольное рычание. Сломанный железный стульчик эхом оповестил всех внутри, что здесь кое-кто решил по-тихому уйти и не попрощаться.

Шаги сливались в марш, я не желала знать, как близко они были, и поэтому просто прыгнула на стену, решив, что это как-то поможет добраться до сраного окошка. Но я даже кончиками грязных пальцев не дотянулась до подоконника, и лицо Алисы в проёме окна похоже на картину какого-то художника, решившего изобразить на полотне и испуг, и непонимание.

– Мама!

– Руку мне!

Алиса протянула свою ручку, но это было глупо. Если бы я хоть немного за неё могла зацепиться, то скорее свалила бы свою дочь обратно вниз и обрекла нас обеих на верную гибель.

– Нет, убери. Быстро, лямку рюкзака!

– Какого, мама? – в голосе Алисы уже чувствовалась дрожь.

– Любого! Быстрее, блядь!

Розовая лямка свисла с окошка, и я крепко ухватилась за неё.

– Упрись ногами в стену и держи изо всех сил! Не отпускай, пока не скажу!

Пока не скажу своей дочери, чтобы она бросила маму, чтобы та пропала во мраке мёртвых тел, вереща как свинья на убое. Пока я *этого* не скажу?

Я дёрнула лямку, она казалась прочной, руки Алисы побелели от напряжения. Она пыталась заглушить в себе плач, но сквозь плотно сомкнутые веки катились крупными каплями слёзы. Я упёрлась ногами в стену и чуть подтянулась вверх, уцепившись рукой за бордюр с той стороны. Я выползла наполовину наружу, и Алиса упала головой назад, когда я отпустила

лямку её рюкзака. Клянусь, лодыжкой я ощутила жар дыхания и вонь мертвечины, но успела подтянуть ноги прежде, чем их кто-нибудь схватил.

Вот теперь самое время для обморока. Я закрыла глаза и куда-то провалилась. Трава под спиной превратилась в пух, потом в воду, но я дышала под ней. Как будто Алиса была на поверхности, и её голос звучал расплывчато, неразборчиво. Шлепок по щеке немного привел в себя, а второй удар полностью вытащил на поверхность забытья. Я глубоко вдохнула и поднялась. Меня встретили вытянутые костлявые руки в оборванных одеждах, торчащие в окошке. Они были злы на нас за то, что мы успели выбраться. Мы выжили. Я не сразу, но смогла встать и привычным движением накинула рюкзак на спину.

Алиса сидела на траве, сложив ноги. На её щеках сохли слёзы, и она смотрела не на меня, а куда-то в сторону. Я повернулась туда же. К нам спешили три силуэта, закрытые по пояс маревом раскалённого асфальта. Очень хочу ошибиться. Я так никогда не хотела быть обманутой своим же зрением, как сейчас. Пришлось грубо поставить Алису на ноги, при этом случайно ударив девочку в грудь её же рюкзачком.

– Бежим!

Глава 4

Гриша всё сделал сам. Замариновал мясо, выбрал место для пикника подальше от многолюдных пляжей, собрал наши сумки. И когда мы с Алисой только встали со своих постелей, всё уже было готово, мы лишь на скорую руку перекусили и поехали.

Девятое мая. Люди на улицах гуляли прямо по перекрытым для автомобилей дорогам, из-за чего сильно загрузились окраины, но это не страшно. Где-то во дворах уже запускали салюты, и флаги нашей страны развевались тут и там. Алиса глазела вокруг, лбом прижавшись к стеклу. Ей уже шесть лет, но она всё ещё плохо говорила, имела привычку сосать пальцы и грызть игрушки, не говоря уже о том, чтобы постоянно прижиматься губами к грязным стёклам машины.

– Алиса! Отодвинься от окна, милая, а то ударишься головой. – Гриша следил за дорогой и Алисой через зеркало заднего вида одновременно. – Будете мороженое?

Алиса покачала головой, всё ещё опираясь руками на стекло. Её тугие косички, заплетённые Гришей, заболтались из стороны в сторону. Гриша остановил машину у киоска, и я уже отстегнула ремень, готовясь выйти, как Гриша схватил мою сумку и сказал оставаться внутри. Я не успела хотя бы поблагодарить его, как он уже покупал нам мороженое. Оно оказалось дико вкусным, и Алиса вся вымазалась, поедая пломбир в шоколаде. До озера мы доехали с ребёнком, испачканным чуть ли не с головы до ног подтаявшим пломбиром.

На берегу озера просто волшебю. Гладкая поверхность небольшого водоема отражала весеннее небо без единого облачка. Утки летали от берега к берегу, а над нами, создавая приятную тень, шелестела высокая берёза. Гриша достал огромное покрывало и подушки, усадил нас на них и чуть ли не приказным тоном заставил отдыхать изо всех сил. Соорудив мангал, он взялся за мясо, попутно нарезая овощи и наливая сок. Я не знала, что он взял с собой ещё и немного шампанского.

– А как ты сядешь за руль?

– Переночуем в машине, утром поедем домой. Я захватил розжиг для костра и топор. Вот увидишь – ночь пролетит незаметно.

Мясо готово и пахнет так, что у меня потекли слюнки. Алиса была занята погоней за бабочками недалеко от берега. Я позвала её, но она меня, как обычно, не послушалась. Уже два года замужем за Гришей, а Алиса меня ещё ни разу не назвала мамой. До сих пор надеюсь, что она лишь стесняется. Изо всех сил стараюсь понять её – не так-то просто принять в свою жизнь «новую» маму.

Я поймала верещащую девчущку в объятия. Алиса засмеялась, я пощекотала её бока, и та взвизгнула так, что утки с противоположного берега взмыли верх, крикая на всю округу. Я кормила Алису шашлыком с вилки, заранее разрезав большие куски на маленькие, не забыв и про овощи. Гриша как всегда проглатывал куски целиком, видимо, надеясь, что его желудок справится с чем угодно. Я дала ему таблетки, чтобы он не мучился от тяжести после таких приёмов пищи.

Алиса насытилась быстро и теперь сидела рядом с нами, а её надутый животик немного выпирал под розовым платьицем, которое я ей купила несколько недель назад. Алиса любит всё розовое, и если бы она смогла загадать одно желание, то выбрала бы самой стать розовой девочкой.

Гриша достал из машины две удочки. Свою и совсем маленькую, наверное, для Алисы.

– Алиса, пойдём порыбачим?

– Дай ребёнку переварить! – шутливо заступилась я. – Да и сам посиди хоть немного.

Гриша согласился и поцеловал меня в лоб, всё ещё держа рыбацкие принадлежности в руках. Через полчаса мы переместились ближе к берегу озера. Гриша учил Алису закидывать

удочку, но малышка не особо была заинтересована в процессе и всё время озиралась на летающих вокруг нас насекомых. Ей было страшно и интересно одновременно, когда над нашими головами, гудя как вертолет, пролетала огромная, переливающаяся зеленым цветом стрекоза. Итог был очевиден, Алиса бегала по лугу, радуясь просторам и солнцу, а мы с Гришей сидели в обнимку у берега, зарыв ноги в тёплый мягкий песок. Поплавок дёргался, но рыбачить, кажется, тут вообще никто не собирался. Гриша просто взял всё, что могло пригодиться на пикнике.

Маленькие волны накатывали на пальцы ног, Алиса с девчачьим визгливым хохотом так и бегала за каждым насекомым, попавшим в её поле зрения. Она поймала бабочку и аккуратно закрыла её ладонями, чтобы показать нам. Она обращалась с ней как с самым красивым и хрупким существом в мире, хоть это и оказалась обычная крапивница. Алиса отпустила насекомое, улетевшее в краснеющее небо. Девочка к тому моменту утомилась и захотела спать, приклонила голову на колени Гриши. Тот поцеловал её в макушку, а потом и меня в щёку. Его небритые усы укололи кончик моего носа.

– Отнесём её в машину. Пусть спит.

Гриша подхватил Алису с такой лёгкостью, словно та была совершенно невесома. Он одной рукой открыл дверь и положил дочку на заднее сидение, опустил наполовину окно и тихо захлопнул дверь. Я ждала его на берегу, Гриша подошёл и щекотно прислонился своими губами к моей шее. Я чуть не взвизгнула от нежности.

День заканчивался, и розовые отблески бегали по волнам. Солнце пряталось за верхушки деревьев, стало чуть прохладнее, и я накинула лёгкую куртку. Гриша принёс бутылку шампанского, загадочно улыбаясь, и принялся срывать обёртку с горлышка.

– Только Алису не разбуди, – успела я шепнуть прямо перед тем, как Гриша справился с пробкой.

Она выстрелила, чуть не угодив мне в ухо...

Глава 5

Пуля просвистела у виска, в нём отдавался стук сердца с бешеным темпом. Во рту у меня скопились вязкие слюни. Алиса мчалась рядом, держа обе лямки портфеля. Она бежала так, как только позволяли ей тонкие ноги худой девочки.

Они кричали. Они угрожали, продолжая стрелять. Свист, как резкий писк комара. По асфальту бегали искрами всполохи от попавших пуль. Это были какие-то самопалы, и расстояние не позволяло стрелять точно нам в спины. Пули, долетая до нашей позиции по огромной дуге, скакали дальше, как резиновые шарик.

Мы забежали в дом и мигом прыгнули в первую попавшуюся открытую дверь. Внутри воняло смертью и ржавой водой. Я толкнула Алису, и та чуть не ударила головой об раковину. Алиса не встала с коленей и заползла под трубы, поджав ноги к телу.

Мародёры определили, в каком подъезде мы спрятались, и тяжёлые шаги как минимум трёх человек застучали на лестничных пролётах. Я скинула сумку куда-то за свою спину, и та с грохотом свалилась на грязный бетонный пол. Я достала пистолет и прицелилась. Когда первая голова мелькнула между лестниц, я выстрелила, и тело, лишившись половины черепа, мешком свалилось на холодный бетон.

Шаги стихли, за ними последовали громкие мужские стоны. Кажется, кто-то из них упал, увидев, как стена окрасилась в красный, покрытая частичками мяса и мозгов.

– Сука драная! Отдай вещи и вали! Нам больше ничего не надо! Слышишь?

Я промолчала. Я не дура. Живыми мародёры никогда и никого не отпускали. Я закрыла один глаз и прицелилась ровно в ту же щель, из которой появилась первая голова-мишень в ожидании второй.

– Мы убьём твою мелкую сучку!

– Сначала трахнем её и тебя, а потом убьём! Блядь, не выводи из себя!

Показалось ухо, всего лишь ухо. Надо было подождать, но спусковой крючок крайне чувствителен, и особенно сейчас, в трясущихся пальцах. Я попала, и ещё одна красная струя под давлением ударила в пол. Мародёр кричал, его голос срывался. Шаги повторились, и всё его тело показалось на лестнице. Я выстрелила в третий раз, попав в горло. Этот выстрел почему-то меня оглушил, и я на несколько секунд закрыла глаза, словно это поможет снова слышать, что происходит внизу, но это оказалось необязательно. Один из них сидел на лестничном пролёте, прижавшись спиной к стене возле батареи. Мужчина с длинными курчавыми волосами держался за шею, сквозь его пальцы брызгала тонкими струйками кровь. Губы двигались, но вряд ли он что-то говорил вслух. Звон в ушах теперь мешал узнать, что там с третьим.

Не успело лицо того, чьё горло прострелено, побледнеть, как третий и, надеюсь, последний из мародёров выскочил перед глазами. Он успел выстрелить. Пуля ударила в железные перила, и мой бок словно ужалила оса. Я выстрелила наугад, рискуя потратить последние патроны впустую. Я ещё раз попала, в этот раз в живот чужака. Он тут же выронил своё оружие, похожее на деревянную игрушку, и упал уже трупом с окровавленной грудью и поникшей головой. Последний мародёр перестал двигаться, а я свалилась на спину навзничь, ударившись затылком.

Глухой голос Алисы, и опять дочка меня зовет, как утопающую. Она буквально рыдала, показывая пальцем на мой правый бок. Я приложила к нему ладонь, ощутила влагу и тепло. Но если кровь и была, то её явно оказалось мало. Я чуть привстала, сжав зубы от боли, и задрала промокшую футболку. Пуля круглая, не прошла насквозь и застряла в коже. Шарик торчал словно маленькая опухоль, оставив за собой бордовую бороздку, как хвост кометы.

Я попыталась выдавить пулю, но стоило прикоснуться к ней под кожей, как руки начали трястись, и от боли глаза закрывались сами собой. Я не могла видеть, что делаю, и это

стало огромной проблемой. Я отдышалась и взглянула на девочку, что неотрывно пялится на место ранения.

– Ты должна мне помочь.

Алиса моментально поняла, что я имею ввиду, и закивала головой. Глаза тут же просохли и усталились на меня с полным осознанием, что сейчас будет.

– Достань из сумки спиртовые салфетки.

Она послушалась, надеясь, что это всё, о чём я попрошу. Но когда Алиса протянула их мне, то я пояснила, что ещё мы ещё не закончили.

– Слушай меня внимательно, – руки Алисы сжали салфетку так, что с них закапала мутная жидкость, – сейчас прикладываешь салфетку вот сюда и давишь изо всех сил навстречу бордовой полосе под моими рёбрами.

Горло Алисы сократилось в рвотном позыве. Она косилась взглядом в сторону ранения, боясь лишний раз снова увидеть мою кровь. Чья угодно, но только не её.

– Алиса, ты поняла меня?

– Да, я поняла. И я не могу.

– Ты должна.

– Но почему? – она снова залилась плачем, закрыв лицо салфеткой. Она высморкалась в нее и снова опустила вниз.

– Достань новую и сделай, как я прошу. Иначе... иначе я умру.

Как же не хотелось этого говорить, но слова сами слетели с языка, потому что время шло на минуты. Я не желала заражения, пусть и потеря крови уже не грозила. Алиса отвернула голову в сторону так, что виднелась только половина её лица. Надо помочь ей нащупать пулю и дать понять, в какую сторону давить. Её прикосновения были аккуратнее моих, но твёрдость совсем иная. Она сможет, она справится. Я задрала футболку и закусилась тканью зубами. Закрыв глаза, зажмурилась как смогла, и перед глазами замерцали разноцветные точки.

Алиса надавила, и я заорала так, что футболка чуть не выпала из рта. Алиса прекратила, в голос зарыдав. Я выплюнула футболку и крикнула на неё: «Дави! Ни о чём не думай! Дави!»

Все случилось от силы за пять секунд, но они тянулись бесконечно долго. Словно об меня тушили горящую толстую палку. Я смогла немного расслабиться, лишь когда услышала металлический звон на полу. Я прижала руки Алисы к своему боку, и та резко выдернула свои ладони, запачканные кровью. Доведённая до бледного ужаса девочка закрыла лицо и взвыла, как маленький ребёнок. Я вдавила салфетку поглубже, чтобы спирт прижёт рану, и свистнула, сделав резкий вдох. Опустилась на землю.

Состояние тошноты медленно отпускало. Боль понемногу притуплялась. Алиса уже не плакала, но до сих пор не открывала лица. Я смотрела на потрескавшийся потолок над нами. С него осыпалась почти вся штукатурка, и он похож на кровеносную систему, только серую. Хотелось спать, но это оказалось бы ошибкой. Я отпустила салфетку, прилипшую к моей коже, и обняла Алису. Она бросилась на меня и обняла, прижавшись к моей груди. Я должна была извиниться за всё произошедшее, но побоялась, что рана откроется сильнее лишь от первого произнесённого мной звука, и я медленно истеку кровью.

– Хочу пить.

Моя милая заботливая дочка тут же молча залезла в сумку, выудив оттуда бутылку с водой. Она на коленях подползла и приподняла мою голову, держа у самых губ пластиковую бутылку с чистой водой. Я сделала три глотка и снова запрокинула голову. Алиса закрыла крепко бутылку и убрала обратно. Она смотрела на меня изучающе, как на ту бабочку, что поймала на озере.

– Вытри руки. Постарайся ничего не оставить.

Я не знаю, кивнула ли, но Алиса промолчала. Она вытерла руки и поднесла чистую салфетку туда, где старая уже пропиталась насквозь красным пятном.

– Прижми. Только аккуратно, хорошо? – резкая боль пробила от бедра до уха. Алиса вздрогнула, но ладонь не убрала. – Спасибо, ты умница. А теперь умойся, только не трать много воды.

Слова давались с трудом, губы похолодели и еле двигались, заставляя применять большие усилия, чем обычно. Алиса умыла лицо и забралась под раковину, зажав в руках свой портфель. Думаю, я действительно выглядела страшно. Худая, с запутавшимися волосами и в грязи. Бок оголён до самых грудей, покрытый засохшими красными корочками и тонкими кровяными плёнками. Я лежала и тяжело дышала, глядя не беззащитную Алису.

Рана была похожа на маленький карман. Если бы Санта узнал, как я себя вела за последний год, то положил бы туда кусочек угля. Разум понемногу прояснялся, и мутить стало меньше. Кровь почти остановилась, и я изучала синяк, медленно растекавшийся по моему боку от нижнего ребра до костей таза.

– Дай ещё немного воды.

Алиса достала для меня бутылку и, уже держа её навесу, шарилась ещё зачем-то в рюкзаке. Она поднесла воды, и я жадно впились в пластиковое горлышко, задрав подбородок кверху. Не успела сделать четвёртый глоток, как в боку защемило с новой силой. Алиса приложила свежую спиртовую салфетку к моей ране и протёрла немного изнутри. Я чуть не выплюнула воду, булькавшую во рту, и одним глотком двинула её дальше к горлу. Оно заболело, и я закашлялась.

– Ты уже достаточно выпила, мама. Оставь на потом.

Я была в каком-то роде оскорблена такой наглостью, но Алиса всё сделала правильно. Она молодец, а вот я сплеховала. Хотя всё вышло достаточно удачно. Мы обе живы и по большей части целы. Единственный человек, который нас обокрал, это я. Несколько нужных салфеток были потрачены на меня, и я выпила немного больше, чем мы можем себе позволить. Я хотела уже было сказать Алисе забраться обратно под раковину, как она сама туда вернулась и опустила подбородок к поджатым коленям. Она смотрела куда-то в сторону, ковыряя ногтями камушки на полу. Лишь бы пальцы потом в рот не тащила, не хватало нам ещё и отравления.

Я аккуратно поднялась и отправилась проверить, что там было у самих мародёров. На первый взгляд, у них, кроме полуразвалившихся самопалов, не имелось ничего. У одного нашла смятую пачку сигарет с единственной замызганной папироской, с пылью и табаком на дне. От неё воняло мокрой собакой, я смяла пачку и выбросила. Думаю, я бы покурила в тайне от Алисы, если бы сигарета не пахла так отвратительно. У другого, того, что сидел у стены с простреленной шеей, нашлись деньги в кармане. Рублей сорок бумажками и монетами. Зачем он их таскал – непонятно. Наверное, он и сам не знал. Люди стали сентиментальнее, и теперь для них всё имело ценность, даже то, что должно было уже давно её утратить.

Последний, третий, валялся на первом этаже. Половина его головы отсутствовала, и из проломленного черепа текло будто густое засахарившееся варенье. Я проверила его карманы, стараясь не смотреть на тяжёлое смертельное увечье, но не нашла ничего. Они все были абсолютно пусты. Может, это и объясняет то, что они ценой своих жизней решили во что бы то ни стало забрать наши вещи, даже увидев, чего это стоило одному из них. Он поплатился головой за свою наглость.

В воздухе повис вопрос: «И что дальше?». Мне снова нужен отдых, иначе я с тяжестью на спине рискую появлением нового кровотечения, а Алиса оба рюкзака тащить не сможет. И даже если у неё получится, то очень ненадолго. Я поднялась к Алисе и развалилась рядом, тоже забравшись наполовину под раковину. Обняла свою доченьку, но она осталась так же сидеть, как каменная. Ох, Господи, как мила и невинна детская обида.

Глава 6

Я помню, как Алиса странно себя вела на похоронах её родной бабушки. Точнее, это было бы странно для обычного ребёнка, но не для моей будущей падчерицы. Она пристально наблюдала за тем, как гроб медленно опускают в землю четверо мужчин, еле держа верёвки. В глазах девочки не было ничего, даже капли скорби. Я почти не знала Гришину маму, виделась с ней пару раз до свадьбы и несколько раз позднее. Она умерла от диабета, хотя прожила достаточно долго, несмотря на болезнь. К концу жизни она весила около ста двадцати килограммов, и было видно по вспотевшим лицам похоронной компании, что они ожидали клиента чуть меньшего размера.

Но всё дело было в Алисе. Вместо того, чтобы как подобает попрощаться с мамой Гриши, которую тот любил нисколько не меньше дочери, я изучала эту девочку. Она оглядывалась по сторонам, наблюдала за лесными птицами. Особенно её внимание привлёк дятел, севший точно на то дерево, что росло совсем рядом с могилой и огромной мраморной плитой с фотографией Алисиной бабушки. Почему она такая, эта необычная малышка? Её не страшит смерть? Или она не любила бабушку? Я думала только об этом, пока Гриша стоял между нами и плакал навзрыд, сжимая мою руку с каждым разом всё сильнее.

Мы с Алисой встретились взглядами и обе повернулись на плачущего мужчину, стоявшего между нами. Нас для него в тот момент словно не существовало, и он дал полную волю эмоциям. Он имел на это полное право, но Алиса всё равно на него глядела с некоторым пренебрежением. Почему ты так смотришь на своего папу? Он плачет, потому что ему больно. Неужели тебе не больно совсем? Странная ты девчушка, Алиса.

В тот момент я подумала, что Алиса прочитала мои мысли, и я поспешила отвернуться, сжав руку Гриши с той же силой, что и он мою. Щёки запылали с двойной силой, когда он своё мокрое от слёз лицо уткнул мне в плечо. То был долгий вечер и ещё более долгая ночь. Гриша оставил Алису в её комнате, а сам сидел на нашей кровати и молчал, закрыв лицо руками. Я пыталась его утешать, но он вообще не слушал и отдёргивал плечо, когда я хотела прикоснуться к нему. К утру я отключилась без сил, и, когда проснулась, на кухне уже пахло яичницей с луком.

* * *

Мы отдохнули в этой мокрой квартире, пока три трупа внизу медленно разлагались, покрываясь пылью. Я открыла глаза, Алиса ходила по комнате туда-сюда и шевелила беззвучно губами. Она махала руками из стороны в сторону, и всё это выглядело как немой спектакль одного актёра. Я различила всего одну фразу, словно случайно упавшую с её губ: «Нет. Так не получится».

– Что такое, Алиса? – я потягивалась, лёжа на здоровом боку в спальном мешке. Я подумала, что так из раны во время сна вытечет меньше крови. Опасения не оправдались – рана запеклась очень быстро.

– Да ничего, мама, просто...

– Придумывала, что нам дальше делать?

Я обратила внимание на выражение лица Алисы. Её словно застали за разглядыванием себя самой голышом в зеркале. Она заложила руки за спину и уставилась на меня.

– Придумала что-нибудь? – я привстала и ощутила неприятный укол под ребром. Свежая короста стянула кожу, и каждое движение причиняло боль.

– Нет, я, я... ничего. Я думала, что нам нужно облегчить сумки и идти больше, чем обычно.

– Но мы это уже обсуждали. Если освободим сумки, то придётся чем-то сильно пожертвовать. Едой и водой жертвовать нельзя. Одежду зимнюю и так выбросили, – мы верили, что к наступлению холодов доберёмся до Юга. – Осталась обычная одежда. Если ты хочешь идти в одних трусах, то пожалуйста. Комаров даже можно не бояться, но я не хочу сверкать ягодичами.

Алиса хихикнула, но к ней тут же вернулся серьёзный настрой.

– Можно оставить только то, что есть на нас.

– А если порвётся?

– Ты сможешь зашить?

Я почти разозлилась от вопроса. Она ведь не меньше моего знает, что ни ниток, ни иголок у нас нет.

– Алиса, мы не можем...

– Тогда мы никогда не дойдём!

Она крикнула так, что я вздрогнула, и топнула ногой по бетонному полу, но её лёгкие сандалии поверх длинных носков не издали ни звука.

– Присядь ко мне. – Я позвала её нежным взмахом руки присоединиться на спальном мешке. Сначала она хмыкнула и отвернулась, но не прошло и минуты, как уселась смиренно рядом. Прикоснуться к себе не дала, и моё движение, которое должно было стать объятием, быстро сошло на нет.

– Наш план и без того слишком хрупкий, чтобы в него сейчас вносить изменения.

– Но вдруг именно из-за нашего устаревшего плана у нас ничего и не получается?

– Только благодаря ему, этому старому и проверенному плану, мы ещё живы. Ведь так? Ты же понимаешь меня?

– Нет, но тебе это и не надо.

Она резко направилась к выходу. Там валялись три мёртвых человека, но она не боялась их. Нисколько. Думаю, она боится живых мертвецов только потому что их боюсь я, и это единственная причина.

Я достала карту. Дорога, по которой нам необходимо следовать, тянулась извилистой змеей на юг. Она огибала гористые местности, иногда проходя через небольшие населённые пункты. Впереди, вплоть до самого Юга, больших городов больше не будет. Вечером продолжим путь, дойдём хотя бы до какой-нибудь заправки и там осядем на ночлег. Поскорее бы выбраться из этого города и сбежать подальше. Слишком много случилось за прошедшие сутки, чтобы задерживаться здесь дольше, чем нужно.

Алиса капризничала и не хотела надевать портфель, когда я протянула его. Она желала остаться ещё на день и подождать, пока моя рана затянется совсем, но я решила иначе. Она вырвала из моих рук лямку и небрежно накинула портфель за спину. Пошла впереди по пустой улице, выпрыгнув с крыльца, как пробка из бутылки, но через несколько шагов остановилась и посмотрела на меня. Я указала, в какую сторону двигаемся, и Алиса снова рванула вперёд. И опять ее спутавшиеся волосы сбились в лохматые космы. Я старалась не отставать от неё, но мои силы, накопленные за короткий период, медленно иссякали. Алиса заметила, что расстояние между нами постепенно увеличивается, и немного сбавила шаг, периодически проверяя, как сильно я отстаю.

День показался долгим, а резкая его смена на вечер совершенно сбивала с толку. По небу, как по грязной от бензина луже, бегали разноцветные полосы. Солнце скрывалось за синеватыми тучами и уходило за горизонт. Чем темнее становилось, тем ближе ко мне была эта девочка. Она боялась темноты больше, чем того, что в этой темноте могло спрятаться. Это нормально для ребёнка, а Алиса лучше других знала, что может таить в себе тень.

Заправку мы пропустили и решили не останавливаться. Она была совсем ржавая, и огромные рваные отверстия в её стенах были похожи на язвы и нарывы на больной коже. Пахло

отвратно даже в нескольких десятках метров от неё. Скорее всего, там разлагались тела, и я даже не захотела проверять, так ли это. Алиса и взглядом не удостоила эту гнусную могилу. Девочка приблизилась и взяла меня за руку. Я ощутила, как она стала тянуть нас обеих вперёд. Пришлось из последних сил ускорить шаг, чтобы хоть как-то поспевать за ее темпом.

Мы не нашли ни одного дома или заправки, но набрали на узик, одиноко стоявший на обочине, передними фарами уставившись в лес. Из открытого бачка не пахло бензином, и это значит, что его давно опустошили. Внутри были изорванные, но по большей части целые сидения. Мы расстелили на них спальники и улеглись валетом.

Алиса ёрзала в попытках уснуть. Я, закрыв глаза, массировала её разгорячённые ноги. Когда пульсация в её стопах немного пропала, она перестала стонать и уснула, свесив одну руку вниз. Окна запотели, и мне пришлось немного их приоткрыть, чтобы наше присутствие не было столь очевидным снаружи. Я отложила ноги Алисы в сторону и перевернулась на бок. Кровь от раны немного оттекла, что принесло немалое облегчение.

Мне приснился опять этот сон. Я в квартире родителей, но не могу понять, я такая же взрослая или опять ребёнок? Не могу нигде найти свет, переключатели просто не работают, и мне страшно. Здесь темно и никого вокруг. Из моей комнаты, которая только во снах является в том виде, в котором её запомнило моё подсознание, доносятся несколько голосов. Они зовут меня по имени, но я не знаю, кто это кличет на самом деле. Несмотря на дрожь и ужас, бреду во тьму на зов и останавливаюсь у самого порога. Голоса становятся громче, но кроме имени ничего не разобрать. Когда появляется ощущение, что кто-то очень старый шепчет мне на ухо, я вытягиваю руки вперёд и бегу наугад. Я просыпаюсь от того, что тыкаюсь во что-то лицом.

Глава 7

Два дня мы шли с короткими остановками. Я даже не сверялась с картой так часто, как делала это раньше. Дорога не извивалась, а серой полосой тянулась сквозь холмы и леса. Цивилизация осталась далеко позади, и кроме размеченной дороги под ногами ничто не напоминало о старом мире.

Мне трудно дались эти дни. Алиса со мной почти не разговаривала. Это было на неё не похоже. Обычно день, максимум два, она могла обижаться, но потом сама, пуская слезы, пыталась мириться. Я никогда в этом не отказывала, и лишь принимала в тёплые объятия плачущую девочку. Но не в этот раз. Алисино лицо было словно восковым, и даже если она и испытывала эмоции, то прятала их глубоко внутри. Я ощущала себя чужой в такие моменты, и если придираюсь к кровной связи, то таковой я и была. Как же много времени потребовалось, чтобы она перестала обращаться ко мне словом «тётя». Прошло несколько лет, прежде чем Алиса сначала стала называть меня по имени, а потом и «мама». Для меня это очень много значило, да и до сих пор много значит. Я протянула к плечу Алисы руку, но та отдернулась, лишь завидев боковым зрением чужие пальцы.

– Когда мы остановимся? Я хочу есть.

– Когда найдём укрытие хоть какое-нибудь. – Мой голос стал хрипеть, а во рту с каждым шагом под палящим солнцем всё больше скапливалось густой, липкой слюны.

– А если мы его не найдём?

– Обязательно найдём.

– Нет, хочу сейчас.

Я не стала с ней спорить, взглядом давая понять, что я рассержена. Алиса словила этот взгляд и посмотрела в ответ так, что стало не по себе. У неё на лбу появилось бордовое пятно, и сам лоб покрылся морщинками от изогнутых дугой бровей. Я достала бутылку воды и энергетический батончик. Алиса выхватила и то, и другое из моих рук так грубо, что оцарапала грязными ногтями мою ладонь.

– Извини, – промямлила она, словно бросила надоедливой собаке кость, лишь бы та перестала плестись за ней, жалобно скуля.

Она видела, что я протянула руку, чтобы тоже попить, но перед этим специально закрутила крышку так крепко, что я с трудом смогла её отвернуть.

– Алиса, всё хорошо?

– Да, а что?

Обе играли в этот спектакль. Продолжив путь, мы продолжили и молчать, а дорога всё тянулась серой нескончаемой лентой, то и дело петляя.

Сзади послышался мотор. Я его узнаю среди тысяч других. Шум быстро приближался, и металлический лязг заполнял безмолвную округу. Алиса тут же одним прыжком нырнула к обочине, чуть ли не зарывшись по колено в канаве. На уровне асфальта торчала лишь её макушка, затерявшаяся в зелени. Я запнулась в бессилии и упала на одно колено, попав ровно по нерву. До высокой травы пришлось ползти как животное. Перед тем, как завалиться телом в траву, я глянула на дорогу и заметила клубы чёрного дыма, поднимающегося густым столбом к небу.

В канаве я ударилась ещё и лбом о камни, но высокие стебли скрыли меня, и осталось лишь не закричать от боли и усталости. Машина промчалась с такой скоростью, что трава потянулась за воздушным потоком, чуть не выдав нас обеих. Я лежала на животе, уткнувшись во влажную землю лицом. Запах одурманивал, и желание остаться тут становилось с каждой секундой только крепче. Грохот мотора пропадал, но тяжелый запах жжёного топлива только сейчас стал доходить до нас, опускаясь плотным слоем газов. Алиса чихнула, но я не видела

её за стеблями листвы, хотя она лежала от меня не больше, чем на расстоянии одного метра. Алиса зашевелилась, и я повернула голову в сторону дороги. Там тощее тело девочки возвысилось над зеленью.

– Подожди, пусть уедут.

– Уехали уже. Пойдём. Хочу быстрее найти место для ночлега.

Я отжалась от земли, еле оторвав тело. Поднялась на трясущиеся ноги, одну из которых ещё сводило, будто било электрическим током в районе колена. Хватаясь за траву, я выбралась на дорогу. Алиса уже утёрпала метров на тридцать вперёд, будто стараясь от меня сбежать. Я решила, что догонять не буду, потому что не смогу. Размялась, помахав руками, и чуть не упала в обморок, когда перед глазами потемнело. Пошаркала дальше, пока силуэт Алисы мелькал в мареве над раскалённой дорогой.

Алиса постепенно становилась ближе, хотя я своего темпа не меняла. Когда солнце медленно склонилось к закату, она шагала передо мной метрах в двух, и когда небо стало тёмно-синим, уже брела рядом, взяв меня за руку.

– Извини, Саша. Просто я разозлилась. – Её голос звучал очень тихо, но вокруг нас даже деревья не шелестели листвой, и я расслышала каждое слово, давшееся ей с трудом.

– На кого? На меня?

– Нет.

– Тогда почему ты злилась всё равно на меня? – я не хотела спорить и говорила с толикой шутки, но Алиса всё восприняла вполне серьёзно.

– Меня злит эта дорога. И разбойники, и люди с корой вместо кожи. Я ненавижу их.

– Я понимаю, но злость отбирает больше сил, чем радость, поэтому лучше...

– Веселиться без причины?

– Нет. Хотя бы меньше думать о злости.

– Мне трудно.

Я знаю, что трудно, и должна была сказать это, но решила промолчать. Слишком много понимания в этой детской голове, закрытой ото всех, кроме её хозяйки. Я до сих пор думаю, что Алиса не начинала говорить в детстве так долго не из-за особенностей развития, а потому что слишком много хотела сказать, настолько много, что это стало пустым. Она всё знала, во всём разбиралась и не видела смысла это кому-нибудь доказывать.

Заправок не встречалось, пустых брошенных машин тоже. Я вынула фонарик, пустив кроткий кружок на землю. Луна уже появилась в небе, цветная, как будто всё небо затянулось огромной радужной плёнкой, а мы всё никак не могли найти укрытия на ночь.

– Нам снова придётся ночевать в траве?

– Кажется, да. – Я сама отвергала эту мысль, надеясь найти хотя бы землянку, но вокруг ничего. И даже разметка дороги пропала, превратив асфальт в серую каменную реку. Алисину руку всё труднее удерживать, и я отпустила её холодную ладонь, повисшую вдоль тоненького тела и ног с острыми коленями.

Алиса молча, не издавая ни единого звука, стала толкать меня в сторону обочины. Мы свернули в кусты, плотно закрывавшие всё, что было позади них, но при этом видели всё, что было над нашими головами. Закрытые плотной стеной кустарников, мы расстелили мешки и улеглись ногами друг к другу, почти соприкасаясь стопами. Я сняла обувь, словно достав ступни ног из очень горячей воды. Кровь отступила от мозолей, и даже сквозь не очень приятный запах я осознала, что жить уже не так тяжело, как казалось каких-то десять минут назад.

– Алиса, помнишь, какая планета идёт следом за Землёй?

– От солнца?

– Да.

– Марс. Нам о ней рассказывала Мария Анатольевна на уроках окружающего мира.

– А знаешь, мой отец однажды видел Марс.

– Деда Коля? Как? Он был в космосе?

– Нет, он наблюдал его с Земли, в телескоп. Когда Марс находился близко к нашей планете, его отлично было видно. Папа говорил, что Марс очень красивый.

– Я бы хотела его увидеть.

– Да, милая, и я тоже. Хотя бы ещё разок.

Звёзды стали проглядываться сквозь помутневшее небо, совсем истончившееся между нами и космосом. Интересно, инопланетные жители знают, что у нас случилось здесь, на Земле?

– Мама, сколько нам ещё идти?

– Честно?

– Да, – это был неуверенный ответ. – Честно.

– Я не знаю. Если судить по карте, то несколько дней. Но если отталкиваться от запаса наших сил и еды, то неделю. Может, больше.

Алиса застыла на минуту, словно в голове проворачивала весь наш прошлый и будущий маршрут.

– Спокойной ночи, мам. – Послышалось рядом со мной. Я продолжала всматриваться в небо, и голос Алисы показался совсем отстранённым.

– И тебе сладких снов.

Алиса засопела так быстро, что мне стало в каком-то роде завидно. Я уставала просто до жути, но до сих пор не могла нормально спать. Стараюсь успокоить себя, убедить, что буквально заслужила несколько часов отдыха, но ничего. Что это за странное чувство, что не даёт увидеть сны? Вопрос повис в воздухе, когда я сомкнула глаза, и картинки из потаённых участков воображения начали беспорядочно формироваться в глупые сюжеты.

Глава 8

Гриша сразу воспротивился. Он уже готов был перегородить проход в подъезд, упёршись руками в стены. Таким разозлённым я его ещё не видела никогда, но дело было только в Алисе. Она этого хотела даже больше моего и, услышав предложение моего папы, чуть ли не прыжком оказалась на моих руках от восторга.

– Нет! Нет! Ни в коем случае, моя дочь никогда не...

– Гриша! Папа знает, что делает. Он инструктором работал в молодости. – Я аргументировала, как могла. Но Гриша мотал головой, закрыв глаза. – Всё будет хорошо, я буду приглядывать за ней в оба, как и папа.

– Саша, ты меня слышишь вообще? Я против! Алиса никогда не возьмёт оружия в свои руки!

Сама Алиса в это время стояла у двери в свою комнату и сжимала в руках игрушку. Она неотрывно наблюдала за своим рассерженным отцом, и это её по-настоящему пугало. Даже сильнее, чем смерть бабушки.

– Что, если будет осечка, и она посмотрит в дуло? В руках не удержит, или ещё что! Да сотня способов убиться на стрельбище. И что потом? Я не переживу, если она... если что-то случится!

– Со мной же ничего не случилось, хотя я оружие впервые в руки взяла в пять лет!

– Ты не Алиса!

Я молча наблюдала, как Гриша, нервничая, пытается убедить, что научить девочку стрелять – это самая большая ошибка, и он не имеет права её допустить. Оружие у него неотрывно связано с убийством, никак иначе. Таков уж мой Гриша.

– Папа, – начала полушёпотом Алиса, еле попав в перерыв между криками Гриши, бешущегося в прихожей. – Я буду осторожна. Наверняка я даже не попробую. Просто хочу посмотреть.

– Можешь и дома это сделать, – не унимался тот, – на компьютере. Пойдём, я включу игру и на этом закончим бессмысленный разговор.

– Гриш, ты сейчас серьёзно?

– А что, по мне плохо видно? – он рыкнул на меня, как никогда раньше. Да и ни разу после этого случая я его таким не видела. Столько гнева в голосе. Лицо словно мертвое, но взгляд полон огня.

Алиса не дала себя затолкать в свою комнату и упёрлась в Гришино бедро.

– Папа, я хочу пострелять!

– Алиса, зачем тебе это? Давай лучше... не знаю. Пойдём на аттракционы?

– Мы там были уже сто раз! Я хочу пострелять! Деда Коля научит меня, и я смогу нас защитить.

– Но от кого, милая? – Гриша присел на одно колено, по его щеке скользнула одинокая слеза.

– Ото всех, пап.

Глава 9

Сначала я подумала, что до сих пор не рассвело. Даже обрадовалась, ведь можно поспать ещё немного, но тень перед заспанными глазами шелохнулась, и прямо в лицо ударил луч солнца. Я сморщилась, а в сгустившейся тьме забегали разноцветные круги. Шелест травы под самым ухом не был похож на игру ветра с зеленью, так звучали чужие шаги, и на Алисины они не похожи. Слишком тяжёлые.

Я приоткрыла одно веко. Силуэт стоял прямо надо мной, расставив ноги так, что я оказалась будто под двумя скрещенными деревьями. Я протянула ладонью по земле, чтобы нащупать какой-нибудь камень.

– Куда? – мужской грубый голос.

Я сжала кулак, оставив руку в полусогнутом состоянии, ударила вверх, но взмах так и не достиг цели. Он отошёл от меня, но не далеко. Щелчок предохранителя лягнул рядом. Этот звук я знала ещё с детства и больше ни с чем не перепутаю.

– Встала, медленно! Руки на уровне груди.

Мне с трудом удалось согнуться пополам, не опираясь ладонями о землю. Я поднялась, и теперь солнце не мешает видеть. Передо мной мужчина, очень высокий, с бородой. На нём драная футболка и шапка, из-под которой торчали длинные седые волосы, смешавшиеся с колтунами на лице. Он стоял на расстоянии вытянутой руки, но его оружие было опущено вниз.

Он смотрел прямо мне в глаза, я же искала взглядом Алису. Найдя её скомканный спальный мешок, осознала – Алисы там нет.

– Где девочка? – Я говорила тихо, но даже сама испугалась той злобы, что только что выбралась из меня наружу.

– Кто ты?

– Я задала вопрос! – Сделав полшага, я встряла на месте. Он направил на меня пистолет, целясь ровно в голову и держа оружие так крепко, что оголённые мускулы предплечья прорвались сквозь смуглую кожу, густо покрытую кудрявыми волосами.

– Вас двое? Ты и девочка? Это всё?

Я кивнула, хоть и сама того не хотела. Тут он убрал пистолет за пояс и сел на траву прямо передо мной. Снял шапку, под ней блеснула лысина.

– Меня зовут Сева. Алиса тут неподалёку.

– Откуда ты знаешь её имя? – я стояла как вкопанная, и пот со лба скатился к губам.

– Она сама сказала. Мы с Дашей вас нашли и решили, что вы мертвы. Хотели забрать ваши вещи, как заметили, что Алиса смотрит на нас и не двигается. Мы всё обсудили и пришли к выводу, что никто ничего не заберёт друг у друга. Моя племянница, Даша, успокоила твою девчущку, и сейчас они на лугу за деревьями.

– Я не проснулась? – слабость и шок повалили меня на землю, я чуть не утратила сознание.

– Неа. Да и как только мы заговорили с твоей Алисой, она шикнула на нас, сказав, чтобы мы дали тебе выспаться.

Не самое мудрое её решение.

– Вы движетесь на Юг?

Этот вопрос взорвал во мне какие-то части тела, и я обмякла. Мой взгляд скользнул по Севе с головы до ног. Что-то в нём было, что вызывает доверие с первого взгляда, но ошибаться я никакого права не имела. Если бы не едкий запах пота, то всё показалось бы совсем нереальным.

– Да. Вы тоже?

– Ага. Как всё это началось, так до сих пор топаем на Юг. Обувь стёрли столько, сколько никогда при прошлой жизни не истирали. – Он усмехнулся, в его рту нет и половины зубов. – Алиса твоя дочь?

– Падчерица.

– Надо же. А вы так похожи. Я подумал, что вы родные.

Кусты за спиной зашелестели, оттуда выбралась девушка. Я обернулась, и мы уставились друг на друга как два испугавшихся зайца, оба ожидавших увидеть волка, а не такого же труса, как он сам.

– Это Даша. – Пояснил Сева, указав рукой на девушку лет двадцати пяти. Вся грязная, лицо в саже, но очень миловидная, несмотря на жуткую худобу. Её глаза впали так глубоко, что она со своими синяками была похожа на енота.

– Привет, Саша. Приятно познакомиться. – Даша не протянула руку, и вместо этого снова спряталась за куст, выведя из зарослей Алису. На её голове красовался венок из цветков одуванчика, огромных, как апельсин. Заметив меня, она бросилась на шею.

Я упала на траву, и Алиса вместе со мной. Солнце снова бьёт прямо в глаза. Еле смогла различить, как Дашин силуэт обогнул нас и устроился рядом с Севой.

– Где вы были? – шепнула я на ухо Алисе так, чтобы нас не услышали эти люди.

Алиса мотнула головой в ту сторону, откуда они пришли с этой чумазой девушкой.

– Мы были тут, рядом. Алиса не хотела тебя будить, и мы прогулялись. Дядя, никто не проезжал?

– Нет, – вступил Сева, разминая ноги, – хотя на этой дороге мы встретили кучу мародёров, словно они куда-то намеренно съезжаются. Машин пять проехало, не меньше.

– Я ни одну не услышала, – сообщила я, стаскивая с себя Алису. – Вы шли прямо за нами?

– Получается так, но увидели только этим утром. Даша, я б поел. Угостим и Сашу с Алисой.

Даша молча достала из кустов свой прохудившийся рюкзак. Она вынула воду и кусочек шоколада, протянула его нам, но я отдала всё Алисе. Шоколад вызвал у нее обильное выделение слюны. Её зрачки расширились в предвкушении сладости, и оголодавшая девочка чуть не вгрызлась в половину плитки, словно ещё не познавший меры котёнок в кусочек рыбы. Я выудила из рюкзака лапшу, раздала Севе и Даше. Они удивились и поблагодарили почти одновременно.

Этот завтрак казался сном. Я не верила в удачу, которая с нами приключилась. Сева и Даша вовсе не мародёры, а такие же путники, как и я с Алисой. Они поделились едой, они добры к моей дочери. Неужели нам наконец-то за долгое время повезло?

– Я не буду ходить вокруг да около и предложу вам пойти до Юга вместе с нами. Вы как, за? – Сева подмигнул Алисе, но та была слишком увлечена шоколадом, забыв совершенно, что она сейчас не одна.

– Нам нужно подумать.

– Только не затягивайте.

– Почему?

– Мародёров становится всё больше. – Начала Даша, перебив только открывшего рот Севу. Она сделала большой глоток воды и отдала бутылку своему дяде. – Мы хотим быстрее пересечь эти места, пока мародёры их не оккупировали.

– Не думаю, что Саша имела ввиду *так* много времени. – Сева вполборота общался с Дашей. – Но если вы с Алисой решите всё в течение ближайших пары часов, то это сыграет нам на руку, как ни крути.

Я повернулась к Алисе. Та уже справилась с шоколадом и рылась в рюкзаке в поисках воды.

– Алиса, что думаешь?

– Что надо идти с ними.

Я не ожидала, что она согласится так быстро и уверенно. Алиса уже знала ответ до того, как я спросила, не иначе. Не хочется показаться Севе и Даше недоверчивой, но это были средства обеспечения безопасности. Сева улыбнулся своим беззубым ртом, частично скрытым за усами, сначала Алисе, а потом и мне. Я не смогла улыбнуться в ответ, Даша тоже была напряжена. Её скула подёргивалась, и сама она дрожала как осиновый лист.

– Зачем мы вам?

– Вы нас вряд ли задержите, потому что до этого мы, получается, шли примерно с одинаковой скоростью. За такое время так и не нагнали девочку и её маму по единственной дороге на десятки километров вокруг. – Голос Севы звучал всё более воодушевлённо. – Да и будет не так одиноко. Не то, что бы я жаловался на компанию Даши, – Сева дёрнул за косичку свою племянницу, и та хихикнула, сама испугавшись, что это вырвалось из неё. – Но нам всем нужна помощь, даже если мы её не просим вслух.

Я кивнула и опустила взгляд к земле. Новые обстоятельства многое меняли, в том числе наш план, в который теперь входит сразу два новых попутчика. Всё это совершенно не беспокоило Алису, она будто живёт в другом мире, где всё случается только по её желанию и никак иначе – если эти люди говорят, что они хотят нам помочь, то это непременно так. Хотела бы и я иногда обладать хоть малой частичкой того доверия, что имеет Алиса.

– Дайте нам несколько минут на сборы, и мы двинемся в путь.

– Добро, – Сева встал, и его колени хрустнули. – Мы будем на дороге следить за обстановкой. Не мешкайте, хорошо?

– Ага.

Сева переглянулся с Дашей и мотнул ей головой. Она вздохнула и взяла рюкзак, накинув себе на спину. Внутри, казалось, ничего не было, и худая девушка с грязным лицом лишь делала вид, что ей тяжело. Только тогда я заметила, что весь их скромный груз несёт только Даша, а за поясом Севы лишь оружие.

– Алиса, – шепнула я сухим горлом, – смотри в оба. Что бы ни случилось, договорились?

– Мам, но они ведь...

– Алиса! – я немного повысила голос, испугавшись, что меня могли услышать Даша и Сева. – Смотри в оба и следи за каждым их словом и движением. Доверять можно только мне, и больше никому. Уяснила?

– Да.

– Повтори. – Я нежно взяла Алису за руку и уставилась в её намокшие глаза.

– Доверять можно только тебе, мама. Я запомню.

Я поцеловала Алису в лоб, ощутив тепло детского тела.

Мы быстро собрали спальники и распределили вес из моей сумки между нами двумя. Рюкзак дочери немного опустел с тех пор, как мы в последний раз были в городе и запасались провиантом. Я слишком тороплюсь быстрее добраться до Юга, и теперь кажется, что цель оправдывает любые средства.

Оживший ночной кошмар начался заново. Мы снова тащимся по дороге, и я боюсь остановиться. Как только ноги встанут, у меня и сердце биться прекратит. Жжение в стопах быстро распространилось на лодыжки, но я старалась не думать об этом. Что угодно, лишь бы не концентрироваться на боли. Алиса шагает рядом и постоянно косится на Севу. Кажется, она слишком буквально поняла фразу «следить в оба». Ничего, ребёнка не заподозрят.

Даша выглядела какой-то понурой. Обо мне можно сказать то же самое и даже намного больше, но в её виде было нечто, что нельзя передать словами. Она словно не просто расстроена – она смирилась со своей обречённостью, а Сева на её фоне казался слишком весёлым. Я не могла спросить, что это значит, но меня это сильно беспокоило. Что между ними? Племянница? Тащит за вполне здорового мужика вещи?

Сева постоянно ускорял шаг, и мне с Дашей приходилось с каждым разом идти всё быстрее. Даша поравнялась со мной, пока Алиса топала чуть ли не под руку с Севой. Они о чём-то начали разговор, но я не слышала из-за своего дыхания. В висках стучало. Сердце готово было выскочить из груди.

Я очнулась от приближающегося обморока, когда Даша с силой хлопнула меня по плечу. Я тут же встрепенулась и обернулась к ней. Надеюсь, кроме удивления она прочитала в моих глазах и благодарность.

– Не спи, нам ещё долго идти.

– Знаю. Судя по карте, ещё недели полторы, не меньше. – Я мельком следила за силуэтами Севы и Алисы.

– У тебя карта есть?

– Да. Успела стащить перед тем, как мы с мужем и Алисой срочно покинули квартиру и помчались, куда глаза глядят.

– Да, знакомая ситуация. Мы с женихом тоже сорвались как бешеные, вообще не взяв одежду. Зато он не забыл ноутбук. Потом мы на нём резали пойманных белок.

– У Севы что-то со спиной?

– В смысле?

– Да так, просто.

Даша подкинула рюкзак на спине, и тот упал на прежнее место. Уверен, её руки уже застыли в таком положении – держа лямки лишь для того, чтобы рюкзак не свешивался к пояснице. Я обратила внимание, как Алиса обернулась, и дала ей отмашку – всё в порядке. «Иди, за меня не волнуйся». Этот сигнал мы разучили одним из первых. Это наш собственный язык жестов. Алиса посчитала этой игрой, но всё-таки способной в иной момент спасти жизнь.

– Саша...

– М? – я промывчала довольно резко, даже раздражённо, сама того не желая. В глазах Даши застыло что-то нехорошее.

– Я... Сева. Знаешь, он не такой, как... извини, что мы не сразу...

Она резко замолчала, и я даже остановилась, чтобы спросить конкретно, что она имела в виду, но вместо этого бросила что-то невнятное.

– Что Сева? – я чувствовала, как подпитываются мои худшие предчувствия.

– Он... он поможет. Обязательно. Просто не сопротивляйтесь.

Я не успела что-либо ответить, как просвистел вскрик Алисы. Такой высокий и режущий уши. Я тут же обернулась в сторону Севы и моей дочки, увидела, как несколько мужчин наставили автоматы на Алису и на меня. Сева встал рядом с ними и достал пистолет, помахав мне, чтобы я подошла. Даша разочарованно вздохнула и прошептала то, что уже сказала до этого: «Позже. Всё по плану. Не волнуйтесь. Он поможет».

Чем ближе подходила, тем заметнее прорисовывалось волнение Севы. Его глаза бежали из стороны в сторону, а на лбу сверкала потная испарина. Один из мужчин с автоматами, самый маленький из них, приказал Даше встать с Алисой. Даша прошла мимо нас и по стойке смирно оказалась рядом с Севой, привалившись к нему спиной.

– Имена. – Его детский голос вызвал бы смех в прошлой жизни, но сейчас меня воротило от омерзения к этому коротышке.

Мы промолчали, и Алиса уже готова была назвать себя, как тут же замолкла, и тонкие детские губы застыли в произнесённом звуке «А». Она опустила лицо и сжала мою ладонь.

– Скажите им сами, – просипел Сева, стаскивая рюкзак с Даши. Ноги девушки подкосились, когда с её спины сняли будто целую тонну. – Всё будет хорошо, если выполните наши указания.

Коротышка ухмыльнулся и уставился на нас, разглядывая своими крысиными глазками меня и Алису с ног до головы.

– Алиса и Саша.

– Девочка Саша?

– Нет.

– Понятно, проводите их, а рюкзак заберите на проверку.

Я уже дёрнулась снять рюкзак и схватить пистолет, что было бы, конечно, крайне глупо, но поймала еле промелькнувшее движение головы Севы. Он качнул головой всего один раз, но я это заметила и не успела фатально ошибиться. Я медленно сняла свою ношу. Коротышка махнул автоматом в сторону брошенного рюкзака, и два охранника, как близнецы из сказок Кэрролла, подхватили наши вещи и утащили в сторону обочины, пропав в кустах. Сева приблизился ко мне, по пути убирая пистолет за пояс.

– Идите за нами. Не пытайтесь бежать. Просто подождите. – Он отвернулся и кивнул испуганной, но смилившейся Даше. Она кивнула коротышке.

Мы невольно двинулись прямо за Севой по дороге, а коротышка засеменил за нами следом, подняв дуло чуть выше прежнего, и теперь под его прицелом оказалась поясница Алисы. Во мне вскипал гнев, тело начинало лихорадить. Дорога поднялась на холм, и после него открылось просторное поле, посреди которого, перекрывая дорогу, торчала металлическая база. Высокие ржавые стены похожи на коросты. Мы попали на пристанище мародёров. Сева находился прямо перед нами, что-то шепча Даше. Та оглянулась на нас всего на секунду и тут же отвернулась обратно.

– Что встали? – уродец ткнул меня дулом прямо в позвонок, и я от неожиданности припала на колено. Вставая, думала о том, как буду выбивать из него всё дерьмо, когда останемся наедине. Уверена, ему не поздоровится.

Алиса подхватила меня под локоть и подняла. Мы сделали несколько шагов в крепких объятиях, стараясь не отставать от Севы и Даши. Чтобы я ещё раз кому-то поверила, да никогда в жизни!

Глава 10

Когда бензин закончился, Гриша взвалил на себя все наши сумки и так носил их почти две недели. Потом его силы стали иссякать слишком быстро, часть ноши повисла на наших с Алисой плечах. Он вёл нас как маленькое стадо, состоящее всего из двух овечек. Помню, как на зубах постоянно оседала пыль, а во рту появлялся привкус металла. Гриша следил за тем, чтобы мы всегда вовремя ели, пили и спали. Единственное, за кем он не уследил, так это за собой.

Он мало спал, постоянно контролируя наш с дочкой сон. Я часто чуть ли не до ссоры уговаривала его отдохнуть чуть больше, но он молча уходил в дозор на расстояние метров двадцати от наших мест ночлега. Я заставляла его спать лишь под утро, когда солнце только-только вставало. Он мычал и дёргался всё время.

Я не понимала, как нам постоянно везло, или же это была работа Гриши, который направлял нас в обход мертвецов и мародёров. Хотя последних в то время ещё было слишком мало, чтобы на каждом шагу опасаться любого встречного. Через три месяца пешего хода, когда в глазах дочери почти угасло детство и ощущение беззаботности, мы набрали на базу. Двое суток выжидали в кустах недалеко от поселения, пока Гриша не решился в одиночку навестить к ним с официальным визитом. Оказалось, эта община образовалась из выживших, сбежавших из разрушенного города в пятидесяти километрах от самой базы. Мы думали, что достигли Юга раньше срока, но это был лишь перевалочный пункт. Люди приходили и уходили, оставались лишь самые старшие. Они ухаживали за огородами и следили за поселением.

Гриша через неделю честного труда на посевах заслужил доверие старших, после чего начал оставаться на ночной караул, и в тёмное время суток прогонял появлявшихся мародёров. Он не давал им даже шанса попасть внутрь и кидался камнями с высоких стен базы. Да, именно камнями. Ему предлагали оружие, но он отказывался, и к нему всегда приставляли спутника, способного при случае выстрелить. Гриша находился на посту лишь благодаря способности не спать долгие часы. Не более, чем сигнализация, но Гриша гордился тем, кем стал в этой общине. Ему доверяли разрешение мелких вопросов и споров между жителями, и почти всегда ему удавалось сбавить градус проблемы. Я гордилась им, ведь и я получила определённые привилегии, а точнее – палатку пороскошнее. Она была просторной, тёплой и уютной. Даже вернулось давным-давно утраченное ощущение *своего* дома. Мы решили остаться, но планы спутались. Кто б сомневался.

– Саш, Саша! – Гриша еле сдерживался, чтобы не закричать. – Проснись!

– Что случилось?

Гриша метался по нашей палатке, всё время глядя на Алису. Он грыз ногти, и, наверное, эту дурную привычку дочь переняла от отца.

– Я слышал шум снаружи, но тревогу не подняли.

– Значит, ничего не случилось. Ложись спать.

– Не могу. Я б не разбудил тебя, если б не был уверен.

– В чём?

– Что-то не так. – Он накинул куртку и на ходу продолжил. – Пойду в сторожку. Проверю, как там Илья с Максимом.

Гриша быстро скинул свои часы на подушку и выбежал. Я уснуть уже не смогла, сунула часы в карман и легла рядом с Алисой, обняла её. Девочка тихо сопела, а я сильно вздрогнула, когда сирена завершала на всю округу.

На нас набрела толпа мертвецов. Они всей своей массой наклонили и обрушили одну из стен. Сотни покрытых плотной коркой тел прорвались в центр нашей базы, забираясь в

каждую палатку, кусая, терзая и поедая выживших. Люди выбегали наружу, наспех собрав жалкий скарб, сновали туда-сюда, не понимая, что происходит.

Я ждала в палатке, пока вернется Гриша и спасёт нас, но его всё не было. Когда в нашу палатку просунулась рука, я подняла Алису, схватила полупустые сумки и рванула к выходу, но это оказался Максим. Местный дебошир, которого держали здесь лишь потому что он лучше всех разбирался в оружии. Старшие терпели даже его постоянные драки с другими поселенцами, пока он оберегал нас. Он это знал и активно пользовался сим фактом, но тогда я словила в его взгляде искреннее желание помочь. На кону стояло слишком много, чтобы отказаться от помощи единственного, кто мог нас спасти. Я схватила Максима за руку, и он повёл нас от толпы неожиданных гостей, прижимаясь вплотную к стенам.

– Тут где-то есть выход.

– Но он в другой стороне.

– Об этом выходе знаю только я.

– В смысле? Откуда?

– Не время, потом... – Максим остановился сам и остановил нас. Он всучил мне свой пистолет и быстро рассказал, как им пользоваться, но я и без него всё знала. – Идите вдоль по ручью, там дорога на Юг. Не мешкайте!

Не успели мы с Алисой сделать шаг, как из тьмы, погружённой в человеческие крики, вырвался Гриша. Он был весь в крови, но она, оказалось, была вовсе не его. Он подбежал к нам и с силой толкнул Максима, от чего тот отлетел в сторону и ударился головой о металлическую стену. Гриша заметил в моих руках пистолет и попытался выбить его кулаком, но я увернулась.

– Брось! Мы сбежим, а это оставь ему! – Гриша кричал и указывал пальцем на Максима, пока тот тёр ушибленную голову и пытался прийти в себя.

Гриша схватил меня за предплечье, Алиса держалась за другую руку. Ополумевший мужчина, отдалённо напоминавший моего мужа, пытался вырвать пистолет, но я сжала его так сильно, что даже побоялась случайного выстрела.

– Отпусти, долбоёб! Пусть оставят оружие и бегут, пока они не добрались сюда! – Максим неуклюже доковылял к нам. Он схватил Гришу за шею, и тот отпустил меня. – Бегите!

– Без оружия!

– Да что с тобой не так?

Алиса тихо плакала, сжимая мою вспотевшую ладонь. Меня трясло, я глянула на пистолет в своих похолодевших руках и на Гришу. На фоне его мерцающего силуэта горел огонь. Что-то взорвалось, и пламя медленно окутывало поселение. К нам приближались мертвые чудовища, и времени оставалось всё меньше. Это понимал и Максим. Я спрятала пистолет за пояс, пока Гриша вертел головой по сторонам.

– Выбрось!

– Уже, – я соврала, само собой. – Бежим!

Гриша вёл нас перед собой к выходу, который был еле заметен. Максим какой-то дубинкой отбил от мертвецов, и, оттеснив назад ещё нескольких из них, рванул к нам. Он нагнал нас, когда мы уже покинули пределы поселения, и Алиса сидела рядом, спрятавшись по макушку в высокой траве. В маленькой дырке, словно лазе для собаки, виднелось Гришино лицо. Я подумала сначала, что это он закричал, но это вопил где-то за стеной Максим. Гриша обернулся, и какая-то страшная сила потянула его назад.

Я схватила мужа за рубаху и рванула к себе, но не удержалась и упала лицом в землю. Максима тащили за ноги мертвецы, и их клацающие зубы сжимались в нескольких сантиметрах от голени Максима. Он держал Гришу за штанину, мешая сбежать. Он не хотел умирать в одиночестве. Я тогда этого не понимала, и ещё долго винила Максима в смерти Гриши.

Гриша цеплялся руками за края стены, но никак не мог подтянуться ко мне ни на сантиметр. Один из мертвецов обошёл брыкающегося Максима и вцепился руками в плечо моего

мужа. Тот перевернулся и стал бить кулаками прямо по голове мертвеца. Вышел второй мертвец, объятый пламенем, и зубами вцепился в предплечье Гриши. Багряным ручьём из раны хлынула кровь. Я вынула пистолет, направила на Гришу, и в этот момент он посмотрел на меня.

Он не говорил. Не хотел. Он даже не кричал, пока его заживо пожирали. Он уставился в мои глаза и беззвучно плакал, переводя внимание то на пистолет, то на меня. Гриша быстро понял мою задумку и покачал головой из стороны в сторону, а я...

А я выстрелила в мертвеца. Тот отвалился от Гришиной руки, оторванной почти по локоть. Вот тут Гриша закричал, закрыв глаза. Его вопль оглушил, слившись с истошным криком Максима. Он терялся в трескучем пламени, охватившем всё поселение. Я отпрянула назад, чуть не задавив Алису, припавшую к земле от ужаса. Быстро поднялась, поставила пистолет на предохранитель и схватила Алису за плечо. Она обмякла, и мне пришлось шлёпнуть её по лицу, чтобы та очнулась. Мы бежали по полю с высокой травой, пока за нашими спинами кричали люди, съедаемые заживо. Всё случилось слишком быстро, и я думала, что это очередной кошмар. Один из тех, что стали меня так часто посещать после сброса бомб.

Алиса старалась не отставать, но я припустила так сильно, что порой бедная девочка спотыкалась и падала, приходилось тащить её ещё пару метров по земле. Луну над нами закрывали клубы дыма. И запах жареного мяса, он забивал ноздри. Крики полностью стихли, был слышен лишь треск пламени. Он снова забрал всё.

Знала ли Алиса, какой выбор я сделала у тех стен? *Что* я посчитала важным? Уважение Гриши даже перед лицом смерти или его кончина, способная быть более мягкой? Он выбрал трудный путь, но так и не отошёл от своих принципов. Они же его и сгубили, и я не знала, как правильно это преподнести Алисе.

Мы остановились, когда солнце медленно стало подниматься над нескончаемым полем, и перед нами открывались голые холмы, между которыми растянулась серая полоса асфальта. Алиса всё время оборачивалась. Бедный осиротевший ребёнок ждал, что папа вот-вот покажется в густой траве. Подойдёт, обнимет и скажет, что всё в порядке. Но даже я, будучи с Алисой рядом, не произнесла этих слов, потому что ничто не было в порядке. Все сложилось просто ужасно! Гриша не взял в руки оружие и не позволил убить его, а я не смогла солгать его дочери, как и никогда не была способна. Кто из нас более прав? Наверное, тот, кто смотрит за нами с небес. Он позволил этой войне начаться, и, наверное, моё решение оказалось верным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.